

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Елена Чхаидзе

ПОЛИТИКА
И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ТРАДИЦИЯ

Русско-грузинские литературные связи после перестройки

Научная библиотека

Елена Чхаидзе

**Политика и литературная
традиция. Русско-
грузинские литературные
связи после перестройки**

«НЛО»

2018

УДК [821.161.1:821.353.1]«1992/20»
ББК 83.3(2=411.2)64-021:83.3(5Гру=601.1)64

Чхаидзе Е.

Политика и литературная традиция. Русско-грузинские литературные связи после перестройки / Е. Чхаидзе — «НЛО», 2018 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-4448-1022-4

Монография является первым масштабным исследованием русско-грузинских литературных связей постсоветского периода. Е. Чхаидзе проанализировала развитие литературного процесса через призму изменения политического климата, начиная с доимперского периода, продолжив советским и постсоветским. Автор вводит понятие «имперская литературная традиция», под которой подразумевается регулярное обращение не только к художественной литературе, но и к переводческой и научно-исследовательской деятельности в контексте отношений между Россией и Грузией. С помощью постимперских/постсоветских штудий, а также исследований мульти- и транскультурализма изучены произведения как известных, так и малоизвестных российских и грузинских писателей, обратившихся к теме постсоветских конфликтов, к судьбе представителей межкультурного пространства, а также проведен обзорный анализ структурных изменений в научной, переводческой и культурно-литературной среде после краха СССР.

УДК [821.161.1:821.353.1]«1992/20»
ББК 83.3(2=411.2)64-021:83.3(5Гру=601.1)64

ISBN 978-5-4448-1022-4

© Чхаидзе Е., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

От автора	7
Введение	9
Глава I. «Имперские» метаморфозы тематического фундамента	17
1.1. Грузия-рай: от имперского впечатления до советского клише	31
1.2. От «Тамары» до Гоги: от благородной романтики до анекдота	34
Глава II. Россия – Грузия: от политической до литературной постсоветской деконструкции и демифологизации	39
2.1. Гласность, или Занавес сдернут: осколки национализма	40
2.2. Постсоветское в позднесоветском	49
2.3. Ревизия пространства	55
2.4. Постимперские карты «на практике»	58
2.4.1. Концлагерь – конечный пункт путешествия у Александра Вяльцева	59
2.4.2. Юг как травма: карта Эльвиры Горюхиной	61
2.4.3. Империя Андрея Битова	63
2.5. Постсоветская деколонизация	69
2.5.1. Оккупанты – миссионеры – жертвы	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Елена Чхаидзе
Политика и литературная
традиция: русско-грузинские
литературные связи после перестройки

© Е. Чхаидзе, 2018,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Моим ушедшим и живым, моей семье

От автора

Идея моего исследования возникла быстро. Основные концептуально-тематические моменты напрямую связаны с моей биографией и географией (Россия, Грузия, Абхазия, Германия). Я отношусь к той большой группе людей, о которых на постсоветском пространстве особо не говорят. Большею частью общество занято поиском и выстраиванием своей постсоветской национальной идентичности и новых путей развития. Пока мы не являемся ведущим предметом культурологических исследований в России, да и в других бывших советских республиках, хотя сама историческая ситуация об этом кричит. А что это за группа? Это люди, сформировавшиеся на стыке нескольких культур и эпох (советской и постсоветской) и пережившие последствия вооруженных столкновений, связанных с перемоделированием карты бывшего СССР.

Предположим, человек родился наполовину русским, наполовину евреем, в детстве смотрел на мир, формировавший его взгляды, сквозь весьма стереотипные категории, принятые в его русском окружении. Например, *мы* – самые гуманные, великие, умные, несущие добро, защищающие мир, а *они* – злыдни, враги, чурки, черножопые и т. д. Затем судьба выбрасывает финт: человек попадает в другую культуру, культуру тех, о которых он – не очень просвещенный среднестатистический обыватель – думал как о менее развитом, менее образованном обществе. А на деле выясняется, что их культура древнее, чем твоя; перед тем как что-то сказать, они двести раз подумают, чтобы тебя не обидеть, в чем оказываются тоньше и деликатнее; и отказывать они не умеют, а если приходится, то это весьма болезненный для них процесс, – и многое другое, чего ты недопонимал в силу молодости и отсутствия подсказчиков. И попадаешь в новую культуру в таком статусе, что уже не выкрутишься. Начинаешь учить язык, знакомишься с менталитетом, вникаешь в логику поведения, то есть на протяжении нескольких лет идет процесс изменения и перехода на *их сторону*. Через какое-то время понимаешь уже и тех и других. И к тем и к другим относишься с уважением, а непонимающим можешь объяснить тонкости ментальности тех народов, в чью среду ты интегрирован. Здесь судьба выбрасывает еще один финт. Твоя семья оказывается свидетелем и жертвой войны, где твои *старые*, после неудачной попытки *усмирить* твоих *новых*, решили пойти на кардинальный шаг – повоевать. Ты и твои *новые* близкие остаетесь без дома. Отсутствие погибших в семье вроде бы не обостряет агрессию и травму, нанесенную со стороны, но навсегда формируется внутренняя амбивалентность. Душа мечется между *старыми* и *новыми*. Ведь и те и другие стали твоей сущностью. Состояние *качели* не покидает тебя всю жизнь.

Появляется желание разобраться в этом сложном состоянии. В силу профессии полем исследования становится литература, тематика которой мало кого ранее интересовала. Даже один маститый литературовед из твоих *старых* говорит: «А кому это сейчас интересно?» Да, наверное, кому-то неинтересно, но за историями стоят судьбы многих, и вычеркивать их нельзя, а какое место постсоветские события нашли в литературе – неизвестно. Начинаешь читать. Узнаешь о боли, которую твои *старые* наносили твоим *новым* и наоборот, а изменить ничего не можешь. Есть единственный способ попытаться проанализировать *слово* и комплексно донести найденную тобой информацию до читателя, который заинтересуется сложностью социальных процессов на переломе эпох и, так же как и ты, попытается найти ответы на некоторые вопросы или постарается услышать негромкие голоса, пробивающиеся из книг. Но мой поиск не должен быть похож на слезливое эссе наподобие текста выше, он должен выглядеть как научное исследование.

Как-то один замечательный грузинский профессор-литературовед сказал мне: «Знаешь, у меня столько материала, но не знаю, в какую рамку его оформить». И я не знала. Но судьба, как всегда, тут как тут. Я познакомилась с немецким профессором Мирьей Лекке, ставшей человеком, который помог подобрать ключи и изложить исследование, расставив все необхо-

димые акценты, за что я ей очень благодарна. Более того, она помогла представить идеи наших совместных интересов научному фонду Volkswagen Stiftung, который дал финансовую возможность реализовать задуманное. Вокруг моего исследования о развитии русско-грузинских литературных связей после перестройки сосредоточились интересы грузинских и российских литературоведов – как известных, так и начинающих. В Грузии советами при поиске материала и информацией мне помогали профессора-картвелологи Заза Абзианидзе и Бела Ципурия, а также профессора-русисты Нодар Леванович Поракишвили, Мария Анатольевна Филина, Майя Дмитриевна Тухарели. Кроме того, часть работы в грузинских библиотеках, некоторые переводы с грузинского и интервью легли на плечи тогда еще тбилисских докторантов, а сейчас докторов филологии – Валерии Пурцеладзе и Наталии Сванидзе, а также австрийского слависта Олеси Цалковской. В России моей поддержкой были филологи (литературоведы, переводчики): Анаида Николаевна Беставашвили, Наталия Евгеньевна Соколовская, Александр Луарсабович Эбаноидзе, Илья Владимирович Кукулин, Гасан Чингизович Гусейнов. Кроме того, хочу поблагодарить за помощь в библиотечных поисках и возможность спокойной и уединенной работы в брянской библиотеке Наталью Пилькову и Ольгу Константиновну Логвинову, помогавших добраться до бесконечных архивов советских СМИ, а также украинского литературоведа Сергея Сухопарова. Спасибо и моей семье за терпение и ожидание мамы, жены, дочери, затерявшейся в книжных страницах, а также человеку, который не дожил, но по-детски чисто и восторженно радовался бы тем маленьким успехам, которые были в моей жизни, – моему отцу.

Введение

Два века, как грузинская культура зафиксирована на России, и эта фиксация определяет характер ее политического мышления и культуры. Грузинская нация зародилась в лоне Российской империи и прошла инкубационный период у нее на коленях. Соответственно, Россия – и колыбель ее, и «родовая травма». Она – главный, если не единственный, субъект ее амбивалентной любви-ненависти.

გიორგი მაისურაძე. დაკარგული კონტექსტები / Потерянные контексты

К началу XIX века Российская империя, расширившая военно-административное влияние, вступила в свой самый яркий период – время построения *культурных империй* (Багно, 2014. С. 9). Художественные произведения, литературные переводы и литературоведческие исследования, связанные с русско-грузинской тематикой, составили одну из таковых. После подписания Георгиевского трактата (1783), предполагавшего переход грузинских княжеств под протекторат Российской империи, иерархия отношений между Россией и Грузией¹ представляла собой имперско-колониальную парадигму, которая стала основой для формирования и укрепления культурно-литературных связей. Плодами завязавшихся контактов явились новые темы и мотивы в литературе обеих сторон. Новшеством стала ориенталистская тема-конструкт, имевшая место в литературах и других империй (английская, французская литература): *колонизатор, сбежавший* из привычной среды, восхищался экзотическим краем как территорией свободы и богатства природы, а завоевав этот край, не видел себя «колонизатором/угнетателем», так как верил в миф о собственной цивилизаторской миссии. Получая чины, он улучшал свое благосостояние. Что касается *колонизованного*, то отчасти ему благоприятствовал дискурс восхищения, и в сложившейся ситуации зависимости он старался найти выгоду. Политическая зависимость Грузии от России легла в основу укрепления и популяризации русско-грузинской *культурной империи*. Кроме политики, важным укрепляющим фактором для этой *империи* была литературоцентричность русской культуры. Русская литература являлась ведущим общественным информационным источником (Grob, 2012. S. 51). В период романтизма впервые Грузия как нарратив привлекла особо пристальное внимание русских писателей. Более того, имперский дискурс, связанный с Кавказом XIX века, стал толчком для появления в русской литературе произведений, написанных на Кавказе или о Кавказе (и о Грузии) и сделавшихся частью русской культуры и литературы (Ram, 2003. P. 4). Грузинские литераторы и общественные деятели, вступив в профессиональный диалог с русскими интеллектуалами, получили возможность выйти на более широкого читателя и расширили поле общественно-интеллектуального обмена. Многие грузины были рады вхождению в состав Российской империи, избавившему Грузию от демографической катастрофы и стимулировавшему ренессанс в культуре (Jones, 2013. P. 248; Летопись дружбы, 1967. С. 35–40, 101–126). Обобщающая заинтересованность, несмотря на антиколониальные настроения и восстания, сохранявшиеся в Грузии XIX века (например, восстание в Кахетии в 1812 году), сформировала механизм манипулирования и удержания в сфере российского влияния. Литература стала одним из рычагов этого механизма. Пользуясь термином Франца Фанона (Фанон, 1961), можно сказать, что литература явилась полем проявления *культурного империализма*: местом проецирования конкурирующих идентичностей и представления шаблонов своей правды, своего восприятия окружающего как в имперский, так и в советский период. Произведения с русско-грузинским

¹ Я использую определения Россия и Грузия условно, под которыми подразумеваю Российскую империю, а затем РСФСР и РФ; и соответственно – грузинские княжества, а затем ГССР и современную Грузию.

контекстом включали в себя две стороны – господство и подчинение, что точно отражало двойственность положения Грузии в русском культурном сознании: с одной стороны, она – *чужой* мир, противоположный российскому (здесь райская природа, свобода, вдохновение, экзотика, пристанище для инакомыслящих русских), с другой – *своя* территория, имперское наследие, где особо важная часть – золотой и серебряный век русской литературы. Еще один аспект российского культурного империализма – порождение грузинской культурной колонизации. Под этим определением я понимаю принятие имперской культуры и проявление результатов культурного влияния в новой прогрессивной или регрессивной форме. Грузинская культурная колонизация явилась благодатной почвой для развития театрального, художественного, изобразительного и танцевального искусства: «В Грузии, периферии и провинции российской, а затем советской империи, местная интеллигенция копировала схему поведения интеллигенции российской» (Андроникашвили, Майсурадзе. С. 128–129). Культурный империализм и культурная колонизация особенно явно проявились в литературе.

Русско-грузинские взаимосвязи создавались, обрастали и укреплялись мощным сплетением мифов/иллюзий, что воплотилось в широком понятии *русско-грузинский миф*. Под словом «миф» подразумевается его функция преобразования трудностей и неясностей мира, схожих с идеологией, которая приспособливает внешние обстоятельства к определенной политической программе (Гусейнов, 2005. С. 51–67). Суть *русско-грузинского мифа* заключалась в следующем:

Две страны – маленькая и большая, связанные друг с другом единой верой, культурным обменом и избитым клише о «дружбе народов»; и вместе с тем – две страны, разделенные опытом имперского гнета, национального обособления и вооруженными конфликтами. Плотные связанные нарративы образуют систему смыслов, которая с годами осела в культурной памяти и обрела определенную эмоциональность. В результате эта система не нуждается в дальнейшем обосновании в дискурсе (Лекке, Чхаидзе, 2018).

Со временем названный миф, ставший продуктом империи, возвысился над ней и «имперски» стал *подчинять* себе каждого, кто к нему прикасался, тем самым расширяя притягательность русско-грузинского контекста.

Империя – это отношение, формальное и неформальное, при котором одно государство контролирует эффективный политический суверенитет другого политического общества. Этих целей можно достичь при помощи силы, политического сотрудничества, экономической, социальной или культурной зависимости (Doyle, 1986. P. 45).

Отгалкиваясь от размышлений Дойла, а также от «структуры подходов и референций» империй, заключающейся в прыжке за пределы соседних территорий, то есть в броске вперед (Саид, 2012. С. 26–27), можно сказать, что Российская империя² при помощи русско-грузинского мифа на века выстроила политическую, экономическую и культурную зависимость по отношению к Грузии.

Вхождение Грузии в состав Российской империи и значимость литературных отношений послужили зарождению *имперской литературной традиции*, суть которой свелась к регулярному обращению в художественной литературе, а затем в переводческой и научно-иссле-

² Историк, эссеист Кирилл Кобрин в статье «От патерналистского проекта власти к шизофрении: „ориентализм“ как российская проблема» (Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 49–57), как и некоторые другие исследователи «внутреннего колониализма» России – А. Эткинд, И. Кукулин, Д. Уффельман, обращается к критике книги Саида «Ориентализм», ссылаясь на его отклонение от обращения к России, на которую стоило бы, по мнению Кобринина, обратить пристальное внимание, потому что «Другой» в Российской империи, а затем в Советской России имел место и был «шизофреническим» олицетворением «Востока».

довательской сфере к контексту «Россия – Грузия». Под словом *имперская* я понимаю как временную рамку, включившую в себя имперский и советский исторические периоды русско-грузинских связей, так и широкий абстрактный охват распространения традиции. В процессе развития внутри *традиции* появились и другие, как сложившиеся естественным путем, так и *изобретенные традиции*, например воспевание слияния рек Арагви и Куры как символа русско-грузинской дружбы, изображение Грузии как страны-рая в русской литературе, аллегоризация критического взгляда грузинских писателей на русско-грузинские политические связи с помощью сюжетов древнегреческой мифологии. Эрик Хобсбаум (Eric Hobsbawm) в сборнике статей «The Invention of Tradition» (1983), разрабатывая концепцию об «изобретении традиций», писал о нескольких их разновидностях: первый тип устанавливает или символизирует социальную связь с той или иной группой, второй придает «законную» силу различным нововведенным институтам, статусам, отношениям, а традиции третьего типа направлены на социализацию, то есть фиксацию в сознании систем ценностей и правил поведения (см.: Хобсбаум, 2001).

Имперская литературная традиция вобрала в себя все три типа: она установила социальную связь между русскими и грузинами с помощью культивирования исторических и религиозных схожестей, придала «законную» силу прихода России в Грузию, например в виде мифа о добровольном вхождении в Российскую империю (см.: Рейфилд, 2018), укрепила с помощью расширения зоны использования русского языка, открытия островков образования на русском (школы и университеты) и организации русскоязычных издательств и редакций. Политика Российской империи, а затем и СССР, конструируя схемы взаимоотношений многонационального населения, была направлена на укрепление стереотипного, некритического подхода к скрепам, соединяющим русских и грузин: единое вероисповедание, древность культурных и исторических связей.

Став неотъемлемой частью русской литературы еще в период романтизма, Грузия притягивала не одно поколение литераторов. Главной причиной притяжения назывался поиск вдохновения, но были и другие: желание прикоснуться к южной столице золотого века русской литературы и социально-материальные составляющие. Процесс регулярного обращения демонстрировал чувство истории и плотную связь между разными поколениями русских писателей, творчество которых было связано с Грузией. Схожий, но обратный направленный процесс наблюдался и у грузинских писателей. Тема России, присутствовавшая в грузинской литературе доимперского периода, активнее зазвучала после вхождения Грузии под протекторат России. Названная тенденция также подчеркивала чувство истории и преемственность темы. Если Теодор Адорно рассматривал воспоминание как традицию (см.: Assmann, 1999. S. 75–77), то Томас Стернз Элиот писал, что чувство истории связано с традицией. Оно «в свою очередь предполагает понимание той истины, что прошлое не только прошло, но продолжается сегодня; чувство истории побуждает писать, не только сознавая себя одним из нынешнего поколения, но ощущая, что вся литература Европы от Гомера до наших дней и внутри нее – вся литература собственной твоей страны существует одновременно и образует единовременный соразмерный ряд. Это чувство истории, являющееся чувством вневременного, равно как и текущего, – вневременного и текущего вместе, – оно-то и включает писателя в традицию» (Eliot, 1931; рус. перевод см.: Элиот, 1996). К умозаключениям Элиота хотелось бы добавить, на мой взгляд, весьма определяющий момент. Он связан с главным ракурсом моего исследования. Чувство истории, а значит и социальная память, могут исчезнуть или притупиться под давлением определенных политических процессов. И следствием этого станет прерывание и даже выпадение из культурно-исторического контекста или забвение. Главным моментом, который может породить или уничтожить, а также усилить диалектику развития традиции, является политика³.

³ Слово «политика» я использую в значении, которое в него вкладывал Макс Вебер (Weber): «Что мы понимаем под поли-

После распада СССР Россия и Грузия обрели независимость. Имперско-колониальная парадигма прошлых лет разрушилась. Отсюда возникает ряд вопросов, на которые пока нет ответов. Что стало с *имперской литературной традицией*, включавшей в себя три составляющие (создание художественных произведений, научно-исследовательский и переводческий процессы), после краха СССР как особого типа империи (Moore, 2001; Martin, 2001; Тлостанова, 2004)? Как повлияли постсоветские вооруженные столкновения на темы и мотивы в литературе на русском и грузинском языках? Для анализа изменений я решила обратиться к последним годам позднесоветского периода и первым десятилетиям постсоветского. Передо мной встал ряд сложных задач. Одна из них – поднять неизвестный ранее пласт художественных произведений на русском и грузинском языках, написанных с 1985 по 2014 год (ниже я объясню выбор временной рамки), в которых авторы обращаются к проблеме русско-грузинских отношений. Литература этого периода могла прояснить, как происходила демифологизация советских мифов о Грузии и ее отношений с Россией. Можно было бы проанализировать крушение политических клише и моделирование новых, в том числе и литературных, с помощью приписывания ранее неизвестных смыслов и значений, а также создания новых мифов и клише.

Мне хотелось бы проследить за тем, как в это время повели себя традиционные дискурсы русско-грузинского литературного поля. Какова динамика трансформации понятий дружбы/вражды, сближения/отдаления в широком смысле, то есть включая и переводческий, и литературоведческий процессы? Каковы результаты ре-семиотизации и демифологизации советских клише? Появилось ли что-либо новое, не характерное ранее для литератур этих стран имперского и советского периода? Продолжила ли свое существование имперская традиция после «гибели» *империи* (Хардт, Негри, 2000. С. 259)? Художественная литература этого периода, а значит, исследования ее не особо известны. Что касается переводческого процесса, то в связи с этим также появился ряд вопросов, на которые мне помогли ответить грузинские филологи, приступившие к анализу грузино-русских переводческих отношений постсоветского периода. И последнее: анализ научно-исследовательского процесса оказался для меня проще, так как я была его очевидцем и участником в статусе студентки и аспирантки Тбилисского госуниверситета. Последняя монография, посвященная русско-грузинским связям, вышла в 2003 году и называлась «Литература в движении (русско-грузинские диалоги)». Ее автор – Лина Дмитриевна Хихадзе. Она обращалась к литературным связям XIX века (Пушкин, Лермонтов, И. Чавчавадзе, Гоголь, Гончаров, Достоевский). Наиболее известным трудом, в котором анализируются вышеупомянутые отношения, является двухтомник «Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней», который принято называть шадуриевским, но составителями этого труда, выдержавшего несколько изданий, были Вано Семенович Шадури и Гарегин Владимирович Бебутов.

Последние два десятилетия вопросами, связанными с русско-грузинскими литературными и культурными отношениями, активно занимаются западные литературоведы, культурологи и антропологи. Большая часть исследований сконцентрирована на имперском периоде и выполнена в рамках постимперских исследований.

Американская исследовательница Сьюзан Лейтон в книге «Русская литература и империя / Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy» (1994) исследует образ Грузии в русской литературе XIX века с точки зрения феминизации и эмансипации. Объектами изучения стали произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского и Л. Н. Толстого. Это первая работа, проведенная в рамках постколони-

тикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. <...> Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство политическим союзом, то есть в наши дни – государством» (*Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 485).

альных исследований по отношению к русской литературе XIX века. Целью стало изучение роли Кавказа как Востока (Саид), с помощью которого Российская империя конструировала свою «полуевропейскую» идентичность. Лейтон пытается вырваться из плоского восприятия отношений между Кавказом и Россией в контексте цивилизаторского дискурса, воспроизведенного в литературе. Для нее указанные отношения представляют собой «динамический обмен» (Саид). Исследовательница считает, что, несмотря на сформировавшееся разграничение между русскими и кавказцами на «своих» и «чужих», русские писатели смогли выполнить важную функцию – лишить имперскую власть оправдания в колонизации как цивилизаторском проекте, который сформировался на основе травелогов, наполненных романтическими описаниями природы и экзотики Кавказа. Не раз ссылаясь на теории Зигмунда Фрейда, Лейтон видит в Грузии женское начало, а Россия воспринимается как носитель начала мужского, выражающегося в завоевании. Изображение Грузии как женщины отграничивает ее от образа Кавказа, который ассоциируется с агрессией и войной.

Немецкая славистка Сюзанна Франк в статье «Gefangen in der russischen Kultur: Zur Spezifik der Aneignung des Kaukasus in der russischen Literatur / Пленники в русской культуре: К специфике присвоения Кавказа в русской литературе» (1998) пишет о Грузии, как и о Кавказе XIX века, как об особой территории свободы и заточения, побега и пленения. Франк обратилась к «поэтическому дискурсу кавказского возвышенного», а также сосредоточила свое внимание на исследовании Кавказа как «русского Востока». Основываясь на теории ориентализма Эдварда Саида, она применила понятие «другие» по отношению к «кавказским пленникам». Исследовательница отмечает специфику «русского Востока», обращаясь к культурно-семантической перспективе. Она говорит о том, что обращение русской культуры к ориентализму явилось составляющей поиска собственной культурной и национальной идентичности, но русский ориентализм имеет специфические отличия по сравнению с западноевропейским. Анализируя творчество М. Ю. Лермонтова, филолог замечает, что у него Кавказ является символом библейского потерянного Рая. Тема рая, к которой я не раз обращалась, нашла широкое распространение в других художественных произведениях русской литературы.

Харша Рам, американский филолог и культуролог, посвятил Кавказу несколько исследований – статьи «Кавказские пленники: культурные мифы и медиальные репрезентации в чеченском конфликте» (1998), «Русская поэзия и имперское Возвышенное» (на груз. яз., 2001, 2002) и монографию «The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire / Имперское Возвышенное: Российская поэтика Империи» (2003). В монографии исследователь оговаривает свое нежелание обращаться к привязкам «имперский» или «ориентальный», а рассматривает сложный процесс формирования имперской темы в русской литературе и культурной истории, взаимодействия литературы и имперского государства. Исследованию помогает анализ поэтики и риторики русской поэзии, начиная с первого поэтического дебюта Ломоносова и заканчивая смертью Лермонтова. Рам пишет, что русская литература начиналась как продукт империи, но затем стала отражением амбивалентности по отношению к имперскому дискурсу в официальной государственной культуре (Ram, 2003. P. 4). Александр Эткинд, сравнивая труды Х. Рама и С. Лейтона, пишет следующее: «Рам проявляет другой вид чувствительности, тот, который остерегается масштаба и красоты победной власти. Печально, но понятным образом этические проблемы Сьюзен Лейтон уступают дорогу эстетическим Харши Рама» (Etkind, 2007. P. 617).

Грузинская литература также подверглась анализу, исходящему из политического влияния на ее развитие, в том числе и влияние «империй» (Российской и советской). Английский историк и литературовед Дональд Рейфилд посвятил Грузии ряд исторических и литературоведческих трудов. В книге «The Literature of Georgia / Литература Грузии» (1994), рассказывая историю грузинской литературы, он не обходится без параллелей с русской литературой, чем подчеркивает неотделимость грузинского литературного процесса от русского. Например, в главе о писателях Илье Чавчавадзе и Акаки Церетели, лидерах грузинского национального

движения, как об «отце» и «сыне», упоминает тургеневский роман «Отцы и дети». Рейфилд выдвигает на первый план судьбы грузинских писателей, складывавшиеся в зависимости от политического времени. Автор одним из первых получил доступ к рассекреченным архивам 1937 года по делам грузинских писателей, за которыми стоял Берия. В 2017 году выходит в свет книга Рейфилда «Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет», в которой также не обошлось без литературы. Это связано и с тем, что яркие представители грузинской интеллигенции имперского и советского периодов, участвовавшие в формировании нации, были одновременно и писателями, и общественными деятелями. Например, Илья Чавчавадзе в XIX веке, Звиад Гамсахурдия в XX.

Анализу развития грузинского национального дискурса при двух «империях» (Российской и советской) посвящена книга Гиорги Майсурадзе и Франциски Тун-Хоэнштайн «Sonniges Georgien: Figuren des Nationalen im Sowjetimperium» (2015). Авторы подчеркивают роль Грузии в выстраивании самоидентификации России, но, в отличие от других исследователей, демонстрируют иную историю «солнечной Грузии», воспевавшейся в центральной советской прессе и восхвалявшейся на различных политических и культурных мероприятиях, – террор и насилие имперской, а затем советской власти по отношению к ней. Исследователи обратились не только к литературному материалу, но и, по большей части, к историческому, социологическому и политическому, тем самым продемонстрировав, как ради идеологических целей были переформированы символы, метафоры и фигуры грузинской истории и литературы: Колхида, мать Грузии, Руставели, грузинский язык как символический капитал грузин и др. Во главу угла поставлена культурная семантика слова «нация/национальность» как центральная смыслообразующая категория советской империи. Немного иначе описывает роль грузин в СССР Эрик Скотт (Erik R. Scott) в книге «Familiar Strangers. The Georgian Diaspora and the Evolution of Soviet Empire» (2016). Он рассматривает СССР как империю диаспор, в которой грузины, проживавшие вне Грузии, и грузинская культура играли одну из ярких и ведущих ролей.

Культуролог и антрополог Флориан Мюльфрид (Florian Mühlfried) посвятил свой труд грузинскому застолью. В книге «Postsowjetische Feiern. Das Georgische Bankett im Wandel» (2006) говорится о том, что, казалось бы, древнейшая традиция грузинского застолья на самом деле уходит корнями в не очень далекий XIX век и связана не только с литературой, но и с присутствием Российской империи в Грузии.

Мое исследование обращено к литературе последних двадцати пяти лет, то есть к постсоветскому периоду. Анализу подверглись тексты известных и неизвестных авторов, написанные на русском и грузинском языках. Не могу не отметить сложности, с которыми пришлось столкнуться. Например, невозможность восстановить биографические сведения о некоторых писателях, из-за чего читатель не сможет узнать год рождения или полные имя и отчество. Чтобы составить наиболее полную картину литературного процесса в интересующем меня контексте, и из-за своего предположения о том, что русско-грузинская тематика в русской литературе является приоритетом авторов *советского* поколения, а не у рожденных после СССР, я указываю дату рождения возле нового имени в тексте.

Теперь о корпусе литературы. Я постаралась проанализировать весь объем произведений выбранного мной периода, хотя возможно, что какие-то из них не попали в поле моего зрения или по каким-либо причинам выпали в процессе работы. Некоторые тексты опубликованы только в интернете и не появлялись в печатном виде, в таких случаях я ссылаюсь на интернет-источники. Я обращаюсь к произведениям на грузинском языке, многие из которых пока не переведены на русский, поэтому приходилось специально переводить с грузинского некоторые отрывки. Все эти причины подтолкнули не только к переводу на русский, но и к обширному цитированию, чтобы у читателя могло сложиться впечатление о рассматриваемом произведении.

Перед началом работы мне казалось, что лакуны в культурно-литературных отношениях между Грузией и Россией первых постсоветских лет отразятся в небольшом количестве текстов, но в процессе сбора материала я поняла, что ошиблась. Я нашла разные по объему произведения, содержащие информацию о русском или грузинском присутствии – как мизерную (например, упоминание грузинского вина), так и объемную, составлявшую большую часть текста о России или Грузии. За неизвестностью имен и текстов открылась большая библиография произведений из обеих литератур. Не следует забывать и о разнице в численности населения России и Грузии – произведений на русском языке больше. К авторам, проживающим в двух странах, добавились и писатели-эмигранты, живущие за пределами бывшего СССР.

Оказалось, что в постсоветский период русско-грузинская тема наиболее объемно представлена в прозаических произведениях, поэтому лирика появляется в меньшем объеме. Важно отметить, что в русско-грузинский литературный процесс было включено огромное количество имен из мира культуры и литературы, мне даже пришла мысль о тесте на принадлежность к русской интеллигенции: если в биографии человека есть Грузия, значит, это действительно русский/российский интеллигент. Говорю об этом к тому, что не на всех ведущих фигурах могла подробно остановиться. Тогда мое исследование ушло бы в иную сторону. Я постаралась хотя бы упомянуть интересные имена, чтобы в будущем кто-нибудь обратился к ним подробнее.

В первой главе «„Имперские“ метаморфозы тематического фундамента» я описала зарождение и развитие темы Грузии в русской литературе и темы России в грузинской литературе имперского и советского периодов, которые сопровождалась главными характеризующими дискурсами: романтическим для русской и двойственным (мимикрическим) для грузинской литературы (здесь под официальными декларациями дружбы скрывался голос *колонизованного*).

Во второй главе, «Россия – Грузия: от политической до литературной постсоветской деконструкции и демифологизации», анализируется русско-грузинская литература – проза постсоветского времени на обоих языках. Например, в подглавах «Ревизия пространства» и «Постимперские карты „на практике“» представлены тексты, в которых наглядна тема деконструкции и разрыва: Грузия и Россия становятся «географическими суверенами». В подглаве «Постсоветская *деколонизация*» акцент сделан на ментально-эмоциональные моменты – разобщение и отдаление друг от друга населения Грузии и России, причиной которых стал всплеск национализма. Исследование темы войн и вооруженных столкновений представлено в подглаве «Цена и наказание за независимость: постсоветские кровавые конфликты». Здесь речь пойдет о «ночи саперных лопаток» (9 апреля 1989 года), о грузино-южноосетинском и грузино-абхазском конфликтах, а также о Пятидневной войне (08.08.08). Жертвами процессов, связанных с распадом СССР и образованием новых государств, стали не только этнические грузины и русские, но и дети от смешанных браков, судьба которых также стала новой темой в литературе. На нее я обращаю внимание в подглаве «*Новый лишний человек* как жертва распада СССР». В заключительной подглаве «„Мне Тифлис горбатый снится...“: воспоминания и ностальгия» мой интерес был направлен на произведения, в которых отразились воспоминания о Грузии или России прежних времен. Мне было интересно понять, как вспоминают советские времена жители бывшего СССР и сегодняшних независимых Грузии и России и ностальгируют ли вообще. Если да, то с какими темами связана ностальгия?

В третьей главе, «Судьба „кирпичиков“ литературной Мекки: переводы, общение, наука», я обратилась к двум другим составляющим имперской литературной традиции русско-грузинского поля: переводческому и научно-исследовательскому процессам, которые, особенно в советский период, служили главными скрепами между русской и грузинской культурами. Я попыталась провести параллели, показать, какую роль играет политическая власть в процессе развития и разрушения устоявшихся при ином режиме, приоритетных направлений.

В своем исследовании я основывалась на междисциплинарном подходе (философских, исторических, литературоведческих исследованиях). Это вызвано потребностью выработать новый язык анализа, поскольку к дуальному противопоставлению подключается новое «общее» культурно-пространственное измерение – «срединность» (inbetweenness, Bhabha, 1994), ставшее результатом процессов «глобализации» постсоветского пространства, и изучать его без обращения к постимперским/постколониальным, а также к мультикультуральным и транскультуральным исследованиям невозможно.

Глава I. «Имперские» метаморфозы тематического фундамента

В момент радикальных исторических изменений возникают или «изобретаются» традиции (Hobsbawm, 1983). Для русско-грузинских отношений судьбоносным оказался Георгиевский трактат (1783), в котором речь шла о покровительстве Российской империи Картли-Кахетинскому царству. С момента его подписания начался длительный период включенности Грузии в культурно-политическое поле России. Трактат разделил историю Грузии на две больших части: *присутствия* и *неприсутствия* России. Отношения между странами стали развиваться в рамках имперско-колониальной парадигмы. Южная страна превратилась в провинцию империи, продвигавшейся с востока на запад (Sunu, 1988. P. 64). Основополагающее разделение определило дальнейшее развитие литературного нарратива Россия – Грузия.

В период *неприсутствия* (например, на раннефеодальной стадии) культурные отношения между странами выстраивались исходя из единой, христианской перспективы, а позже – из политической: южная страна искала защиты от персидских и турецких набегов, а северная – выход к Черному и Каспийскому морям, к тому же, по мнению Томаса Гроба, была мотивирована стремлением примирить (Grob, 2012. S. 48) враждующих. Способами сближения стран были и браки между представителями властвующих родов (например, брак князя Изяслава Мстиславовича и царевны Русудан, дочери Димитрия Первого, или прославленной грузинской царицы Тамары и князя Юрия (Георгия) Боголюбского, сына Андрея Боголюбского. – *Летопись дружбы*, 1967. С. 1, 18–19), и культурные мероприятия, связанные с единым вероисповеданием. В XI веке русские и грузинские культурные деятели встречались в монастырях и грузинских обителях Византии, Болгарии и других стран. В «Киево-Печерском патерике» есть записи о приглашении грузинских и греческих мастеров живописи и мозаики из Константинополя в Киев (Там же. С. 1, 20). Представления друг о друге складывались на основе других письменных источников. Грузины узнавали о России из памятников литературы, переведенных с греческого на грузинский⁴, а о Грузии и грузинах можно было узнать из древнерусских летописей XIII–XV веков, где они упоминаются как «обежане» (Там же. С. 1, 18), «Обезы», «Горзустани», «Гурзы», «Иверия» (*Летопись дружбы*, 1967. Т. 1. С. 35). Показательной иллюстрацией равноправных отношений между обеими странами тех лет служит «Повесть о Вавилонском царстве» (XV век), где речь идет о желании царя Левкия (Василия) послать в Византию «из Греции грека, из Обезии обежанина, из Руси русского», чтобы добыть «знамения», знаки царского достоинства, принадлежавшие трем библейским отрокам. В повести отразилась «новая идея эпохи, заключающаяся в том, что после взятия турками Константинополя и возросшей роли Москвы Россия и Грузия, как истинно христианские страны, в решении международных вопросов имеют равные со старшим христианским государством Византией права» (*Летопись дружбы*, 1967. С. 1, 46). Здесь впервые в русской литературе появляется образ грузина. В этот же период появляется еще одна повесть, в которой отразилось уважение и восхваление Грузии вне имперско-колониальной перспективы – это «Дивная повесть о царице Динаре» (кон. XV – нач. XVI века), первое русское литературное произведение, полностью построенное на грузинском материале. В повести речь шла о борьбе царицы Тамары с иностранными завоевателями. Набеги османов, персов и монголов вынудили грузин искать военно-политическое покровительство, и выбор пал на Россию. С северным соседом связывалась надежда на защиту от разорительных набегов. Россия ассоциировалась с «солнцем с

⁴ Существует мнение, что сначала были установлены политические связи, а позже культурные (Бежитадзе, Джавахадзе, 2011. С. 184–285).

севера» (Летопись дружбы, 1967. Т. 1. С. 69–76). Например, русская тема в грузинской литературе (в объем этого понятия не включается историография) зазвучала в панегирике русскому царю Петру I «Восхваление и порицание царей» (1709), автором которого предположительно являлся его друг и сподвижник – грузинский царь-поэт Арчил II. Позже, в XVIII веке, тема надежды на Российскую империю прозвучала и в поэме грузинского поэта Давида Гурамишвили (1705–1792), родившегося в Грузии, служившего в российской имперской армии и до конца своих дней прожившего в Малороссии (Украине). Поэт рассказал о восторженной реакции грузинского царя Вахтанга на отклик «мудрого, щедрого, справедливого» Петра I (Гурамишвили Д. Давитиани // *Заболоцкий Н. Поэтические переводы*. 2004. Т. 1. С. 267) оказать поддержку в борьбе с мусульманами:⁵

Лишь дошли до государя
Эти радостные вести,
Дух воспрянул у владыки,
Поднялась душа из персти.

(Там же. С. 269)

Так же как и в сборнике автобиографической лирики «Давитиани», в поэме «Беды Грузии» («ქართველთა ჭირი / kartlis ch'iri») Гурамишвили описал варварские нашествия кизилбашей и османов, внутренние неурядицы Грузии, народные бедствия, а избавление от невзгод связывалось с «русским поселянином» (Летопись дружбы, 1967. Т. 1. С. 76). Русская тема звучала в произведениях Мамуки Бараташвили, царя Теймураза II, Бесики. Читатель мог познакомиться с описаниями природы и жизни в России, описаниями городов (Петербурга, Петергофа, Астрахани, Москвы), образами не только Петра I, но и русского мужика, русской девушки (Там же. С. 97–98).

Положительная риторика по отношению друг к другу становится амбивалентной в период *присутствия* (имперские и советские времена), начавшийся с вынужденного подписания Георгиевского трактата, так как войны с персами, османами, монголами поставили грузин на грань уничтожения. Следует сказать, что многие десятилетия, особенно в советский период, значение трактата преподносилось односторонне, только как дружеский и спасительный шаг, но это не совсем точно, так как он включал в себя сложные положения, в которых скрывался двойной смысл:

В Трактате содержится тринадцать основных плюс четыре «отдельные» статьи, а также присяга Ираклия II и его правопреемников на верность России. В статье первой царь Картли и Кахетии отрекается от верности всем государствам кроме России. Статья вторая гарантирует, что Россия сохранит целостность территории царя Ираклия. В роковой третьей статье уже требуется, чтобы новые монархи Картли и Кахетии согласовывались и утверждались Россией. Еще более судьбоносной была статья четвертая, в которой запрещалось Картли и Кахетии вступать в отношения с иностранными правителями без согласия российского министра или военачальника. <...>

Другие статьи были несправедливыми: статья седьмая обязывала царя Ираклия и его преемников поддерживать Россию в военном отношении, подчиняться российским императорским служащим и насаждать среди офицеров и чиновников идеи преданности России. Статья восьмая подчиняла

⁵ Запланировав Персидский поход, а значит и размещение русских войск в Грузии, Петр I в неожиданный для грузин момент передумал. После этого царь Вахтанг вынужден был покинуть Грузию, а помощи страна, покоренная турками, ждала еще много лет.

грузинского Католикоса-Патриарха российскому Синоду, ставя его на восьмое место за епископом Тобольским, игнорируя грузинскую автокефалию.

Заключительные статьи обещали, что дворяне Картли и Кахетии, состоящие в списке царя Ираклия, будут считаться российскими дворянами <...>

В итоге автор пришел к выводу о том, что трактат являлся макиавеллиевским обманом (Рейфилд, 2018).

О фактическом лишении привилегий местной элиты в Закавказье пишет также историк Йорг Баберовски в статье «Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг.» (Баберовски, 2004. С. 308–309). *Присутствие* спровоцировало огромный интерес к южному историческому краю и легло в основу зарождения *имперской литературной традиции*. Если самые первые произведения о Грузии и Кавказе носили абстрактный характер, так как русские авторы не посещали край, опасаясь персидско-османских набегов, то в начале XIX века появилась масса путевой литературы. Ее авторами были русские путешественники, чиновники, ссыльные, изучавшие экзотический край. Травелогии или путевые заметки играли важную социально-политическую роль: исследовали провинцию Российской империи и приближали ее к имперскому центру.

В письменных источниках начала XIX века часто топонимы Кавказ и Грузия употребляются в едином контексте. Например, в воспоминаниях русского писателя-путешественника Евгения Львовича Маркова, автора «Очерков Кавказа» (1887) читаем: «Я не первый раз на Кавказе и не только душой полюбил вашу прекрасную Грузию...» (см. в: Имедадзе, 1957. С. 54). Образы грузин и черты горцев-мусульман (черкесов, дагестанцев, чеченцев) в русском сознании стали то противопоставляться, то накладываться друг на друга. Ева-Мария Аух в статье «Миф Кавказа» (2006) проследила за изменением восприятия кавказцев русскими. Она пишет, что до 1820 года Кавказ выступал как геокультурный объект (у Ломоносова, Державина это огромный горный массив или южное подножие России, «темный» и «дикий» край). В период до 1840 года Кавказ стал связываться с военно-художественным романтизмом, который соприкасался с темой покорения южного Кавказа (до 1828–1829 годов).

Для русских офицеров Кавказ являлся чужим миром, который играл важную роль в процессе доказательства самому себе собственной мужественности. В крае соседствовали опасность, война, предательство, богатая природа и гостеприимство. Отсюда и литературные образы: горцы изображались то разбойниками, то благородными дикарями, исполненными свободы, собственного достоинства, великодушия и благородства (Пушкин, «Братья разбойники», 1822). Кавказ был полем экспериментов для цивилизаторской миссии и испытанием для русской культуры и государственности. Такая градация схожа с противопоставлением европейских колонизаторов их «Ориенту» (Саид). Как пишет Харша Рам, «усиленное внимание к югу России приняло и укрепило дихотомию восток/запад»⁶ (Ram, 2003. С. 23). За период колонизации экзотические «другие» превратились в «туземцев», а сами колонизаторы не только ощутили, что живут в ином мире, но и осознали обязанности, налагаемые на них государственной службой. Кавказский хребет стал фронтиром между православной Россией, мусульманским Северным Кавказом и православной Грузией. Назвать грузин «дикарями» было весьма сомнительно. Важными особенностями, которые поставили под сомнение голоса о «цивилизаторской миссии» в Грузии, были ее раннее христианство, древняя культура и ранняя государственность:

Иверия, или нынешняя Грузия, искони славилась воинскою доблестею своего народа, так что ни персидское, ни македонское оружие не могло

⁶ «This intensified focus on Russia's south both assumed and reinforced a deeper east/west dichotomy that is one of the constitutive traits of western orientalism in the ramified sense that this term has acquired since Edward Said».

поработить его; славилась также богатством (древние Аргонавты искали Златого руна в соседственной с нею Мингрелии). Завоеванная Помпеем, она делается с того времени известною в римской истории... (Карамзин, 2003. Т. VI. С. 313).

Радищев в поэме «Бова» (1799–1802) также видел древнюю Грузию времен Колхиды и Иверии, как назывались ранее земли западной и восточной Грузии, через призму древней истории: «Загляну я во Колхиду, Землю страшну и волшебну...» (Радищев, 1975).

В XIX веке Грузия стала центром административно-политической жизни Кавказского наместничества Российской империи. Из Тбилиси имперские наместники контролировали Кавказ. Это наложило отпечаток на художественную и мемуарную литературу, так как топонимы Кавказ и Грузия употреблялись чуть ли не через дефис (Ratiani, 2013. № 5. P. 111). Несмотря на смешение топонимов, в литературных образах наблюдались разграничения. Северный Кавказ, населенный горцами, ассоциировался с мужчиной, борцом против колонизации, а Грузия воспринималась феминизированно, как покоренная экзотическая красавица (см.: Layton, 1994). Подтверждением этому служит лирика с «ориенталистским» содержанием. Например, в романе «Кетевана, или Грузия в 1812 году» (1832) офицера имперской армии и поэта Александра Ардалионовича Шишкова есть строки:

...когда я приехал в Грузию [1818]; мудрено ли, что она показалась мне красавицей, роскошно лежащею на цветистом ковре, голова которой покоится на снежном Кавказе, как на белой подушке, а у ног благоухают розы Гилани! (см.: Шадури, 1948, I. С. 427–428).

Или в стихотворении Александра Ивановича Одоевского «Брак Грузии с Русским царством» (1838):

Дева черноглазая! Дева чернобровая!
Грузия! Дочь и зари, и огня!
Страсть и нега томная, прелесть вечно новая
Дышат в тебе, сожигая меня!

Не томит тебя кручина
Прежних, пасмурных годов!
Много было женихов,
Ты избрала – Исполина!

Вхождение Грузии под протекторат Российской империи в 1783 году активно стало упоминаться в русской литературе как особо положительное событие. Постоянно подчеркивалось, что после подписания южная страна начала процветать. Нарратив о защитной миссии обрел широкое распространение. Тема процветания под российским крылом звучит у Михаила Юрьевича Лермонтова в поэме «Мцыри» (1839):

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Роль России как покровительницы подчеркивается и у Якова Петровича Полонского в стихотворении по случаю открытия Тифлисского театра:

Вдали от северных и нам родных степей,
На родине воинственных детей,
В стране, кругом заставленной горами,
Куда нас, русских, привела
Десница, правящая нами,
На миротворные дела —
В стране, где так упорно свято
За крест боролся русский штык,
Где с европейцем азиата
Сближает русский наш язык,
Воинственной России лира
Не в первый раз поет, мечтания полна... (1851).

Популярность темы Грузии в русской литературе подогревалась ощущением мессианской роли колонизаторов и стремлением изучить неизвестный край. И первое, и второе приближало провинцию к центру империи. Сформировалось некое постоянство, *привычка* обращаться к Грузии и Кавказу, которая подтолкнула к появлению *имперской литературной традиции*.

Восприятие союза с Россией грузинскими литераторами выглядело двойственно. Одни из них в своих письмах и заметках первой половины XIX века отмечают союз с Россией как верный шаг ради спасения:

Грузины в пределах своего населения пользуются всеми благами мира и свободны от тех неурядиц и постоянных боевых столкновений с облежавшими со всех сторон врагами, которым они подвергались в течение пяти столетий. Вполне они осознают, что этим обязаны могуществу единой России (Кипиани, 1848).

Другие стали говорить об аннексии, так как в 1801 году некоторые положения Георгиевского трактата были нарушены и грузинские княжества превратились в провинцию Российской империи. С этого момента в грузинской литературе риторика «Российская империя как „солнце с севера“» изменилась в сторону «агрессор/захватчик/поработитель Грузии». Существует мнение, что в письменных источниках на грузинском языке отношения Грузии и России как светлого и темного определились уже в конце XVIII века (Киланава, 2009⁷). Примером тому служат стихи дочерей грузинского царя Ираклия II – Мариам, Кетеван, Текле (Там же. С. 41).

В 1879 году противостояние между российской и грузинской интеллигенцией вылилось в публицистических столкновениях – в виде статей русского консерватора Михаила Никифоровича Каткова в «Московских ведомостях» и лидера грузинского национального движения писателя Ильи Чавчавадзе в газете «Иверия». В текстах столкнулись два вопроса: о формировании единой нации и о защите национальных культурных различий. В 1899 году в письме упоминавшемуся уже Маркову Чавчавадзе пишет о том, что русские смотрят на грузин, но не видят их; слушают, но ничего не понимают (см.: Reiser, 2007. С. 68). На поверхности оказалась конфронтация, вызванная стремлением русских принизить идентификацию Грузии как страны древней культуры, истории, оригинальной письменности и языка. Грузины стали смотреть на свою страну как на объект морального и физического насилия:

⁷ Киланава Ц. Формирование грузинского национального дискурса: маркирование моделей Российской империи и грузинская национальная самоидентификация в грузинской литературе конца XVIII – XIX вв. Тб.: Изд-во Гос. ун-та им. И. Чавчавадзе, 2009. (Дисс. на груз. языке.) <http://iliauni.edu.ge/uploads/other/1/1467.pdf>.

С XIX века в истории грузинской литературы, так же, как и в политической жизни, начинается полностью новая, иная эра: Грузия попала в ареал интересов русского империализма, и ее политическая и социальная реальность полностью отражает спорный характер «нового колониализма» (Ратиани, 2015. С. 47).

Грузинские романтики продолжили развивать тему порабощения: в стихотворениях Григола Орбелиани «ჰე, ივერიავ/ he, iveriav / Иверия моя» (1832)⁸ и Александра Чавчавадзе «კავკასია/ k'avk'asia / Кавказ» (1824–1826), поэме Николоза Бараташвили «ბედი ქართლისა/ bedi kartlisa / Судьба Картли», (1839). В метафоре опустошенного имперскими захватчиками сада с «каркающими в нем воронами» Грузия воплощается у Важи Пшавела «გაოხრებული ბაღი/ gaokhrebuli baghi / Опустошенный сад» (1912). Та же тенденция наблюдалась и в прозе XIX века – например, в текстах грузинских классиков Ильи Чавчавадзе «მგზავრის წერილები / mgzavris ts'erilebi / Записках проезжего»⁹ (1861, см.: Чавчавадзе, 1989. С. 37–48), Александра Казбеги «ელბერდ / elberd / Эльберд» (1882, см.: Казбеги, 2003. С. 68–88). В отличие от представителей русской литературы, обращавшихся к теме «благородного дикаря», Казбеги и Чавчавадзе предложили читателю типичные антиколониальные тексты, в которых изображают горских крестьян не дикарями, а трудолюбивыми и порядочными людьми, и наоборот, русских офицеров – пропойцами и бездельниками, грабящими крестьян. Клевета и несправедливость в грузинских текстах XIX века являются возведенными имперской властью на государственный уровень (Гачечиладзе, 2003. С. 89–91). Чавчавадзе, попытавшийся сформулировать определение грузин как нации (Лежава, 2000. С. 24–27; Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015. С. 51), в своих трудах помогал грузинскому обществу осознать издержки колониальной зависимости. В «Записках проезжего» он передал глубоко характерное столкновение двух фигур, одна из которых берет на себя дискурсивную позицию русского, а другая – колонизованного. Русский офицер говорил, что грузины дики, «не привычны к ученому разговору» (Чавчавадзе, 1989. С. 37–48), «не в состоянии мыслить последовательно, здраво», и только с появлением русских началось «просвещение», которое, оказывается, заключалось в увеличении количества генералов в Грузии: «Двадцать генералов!.. Bravo православной России! Честь и слава ей! Куда только она ни ступит ногою, всюду приносит цивилизацию!» (Там же. С. 42). В тексте Чавчавадзе противопоставил грустные слова грузина-мохевца задорной гордости русского: «И народ наш сегодня – побитый, упавший, хворый. Пропали и имя грузинское, и порядки грузинские. Испоганился свет» (Там же. С. 47).

С приходом империи народ связывал потерю национальной самостоятельности и самоидентичности. Такое знание стало травмой (Caruth, 1996; см. в: Ушакин, 2009. С. 35) для грузин и основой зарождения колониального национализма. Антиколониальный дискурс становится ведущим в грузинской литературе XIX века. Литераторы вводят страшные картины насилия. В рассказе «Эльберд» (1882) Казбеги описывает трагическую историю, случившуюся в реальности с его другом, крестьянином-кистом (чечено-ингушом), которого публично повесили на владикавказском базаре за то, что он пытался защитить свою жену от изнасилования русским офицером (Казбеги, 2009. С. 68–88; Gould, 2014. С. 361–390). Целая семья стала жертвой похоти Платона Платоновича: Эльберда повесили, над его женой надругался офицер, а их ребенка раздавили и растоптали солдаты, потому что он «ненароком» попал им

⁸ Иверия моя, доколе будешь ты
Послушно выю гнуть, в ярме изнемогая?
Доколе будет враг, презрев твои черты,
Глумиться над тобой, страна моя родная?
Зачем забыла ты мечей тяжелый звон,
Победы прошлых лет и битвы день кровавый?
Ужель сыны твои из глубины времен
Не трогают тебя своею чудной славой?
Как изменились мы! Уж, видно, не течет
Родительская кровь в бессильных наших жилах,
Забыли мы навек и славу и почет...
Что может нас увлечь, послушных и унылых?
<...> Григол Орбелиани. Стихотворение в переводе 1946 года Николая Заболоцкого (см.: Заболоцкий, 2004. Т. 2. С. 17).

⁹ В переводах встречается также «Записки/письма путника/путешественника».

под ноги (см.: Казбеги, 2009. С. 88). Русские военные обвиняют грузинских крестьян в ограблении почты и грозят экзекуцией. В грузинской литературе красной линией проходит осознание собственного образа в глазах имперских завоевателей, и он сводится к следующему: «Это недоумки и варвары, им нельзя верить, проклятый народ эти грузины!» – говорит русский солдат («Отцеубийца», 1882). Это подтверждают слова бывшего русского крепостного, а позже общественного деятеля П. А. Мартьянова:

...сам народ наш, подвигаясь и порываясь на крайний юг к Черному морю, восток и сверхвосток, и занимал и заселял земли, принадлежавшие до того народам несколько не цивилизованным, самой природой и историей, как и все такие народы, доживающие свою очередь, как бы обреченным послужить грунтом и уступить место в жизни человечества – другим, более сильным, здоровым и молодым. Это явление, естественное и нормальное, вызывается отнюдь не страстями и завоевательными стремлениями народа, а просто тем же, чем вызывается наполнение водою соседней с нею пустоты, ничем от ней неотделенной (Мартьянов, 1862. С. 15).

Политическое покорение Кавказа и Закавказья обернулось для русских поэтов и чиновников эмоциональной зависимостью. Они ощутили себя «покоренными» южным краем. Как отмечает Яков Гордин, Кавказ стал культурно-психологическим явлением для русского общественного сознания. С Грузией и Кавказом XIX века был связан принцип психологической компенсации. Он проявлялся в том числе в виде парадокса: имперская элита, «самодостаточная и замкнутая на себе», начала подражать Кавказу и Грузии. Например, это проявлялось в моде на одежду горцев. Даже Пушкин и Лермонтов на автопортретах изображали себя в бурке (Гордин, 2002. С. 166–169).

Период *присутствия*, несмотря на кажущуюся ясность политической структуры – империя/колония, центр/периферия, включал в себя, с одной стороны, дискурс подчинения, а с другой – процесс адаптации и даже слияния с политическим контекстом. Часть грузинской элиты противостояла имперскому, а затем советскому присутствию в Грузии (например, лидеры грузинского национального движения Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Якоб Гогебашвили), а другая часть плотно вписывалась в имперский, а позже и в советский контекст, занимая ведущие позиции в политической администрации или являясь яркими представителями имперской или советской культуры и литературы (политики Сталин, Берия, Орджоникидзе, литераторы Георгий Ломидзе и Григол Абашидзе). Подтверждением этому служат их биографии: генерал Павел Цицианов/Цицишвили – один из покорителей Кавказа, при нем началось восприятие Кавказа как специфической сферы самореализации; генералы Российской императорской армии и одновременно классики грузинской литературы – Григол Орбелиани и Александр Чавчавадзе. Как пишет литературовед и картвелолог Ирма Ратиани, «эпоха грузинского романтизма представляла собой сложный процесс, в творчестве грузинских писателей-романтиков, служивших Российской империи, наблюдались темы угнетения со стороны империи, а также развивалась тема кавказского единства, противопоставленная русскому империализму» (Ратиани, 2015. С. 48). Литературным подтверждением не только антиимперским, но и «проимперским» настроениям грузин служит поэма «ვორონცოვი / vorontsovi / Воронцов» (1909) Акакия Церетели: «поэма „Воронцов“ – первый случай в грузинской литературе колониальных времен, когда центральным героем произведения становится русский администратор, современник автора, и он под своим именем упомянут в произведении» (Киланава, 2009. С. 65). Появление этой поэмы можно связать с мимикрической тенденцией, развившейся в будущем и в советские времена, когда романы, сводящиеся к прославлению советской власти, существовали параллельно с антисоветскими настроениями.

XIX век явился сложным клубком культурно-политических отношений – от антиимперских настроений и выступлений в Грузии, зарождения национального движения до активных культурно-образовательных обменов: в начале века общение русской и грузинской интеллигенции в Грузии, а с середины века – в России, например получение образования группой грузинской молодежи, которых назвали потом «тергдалеули» («испившие вод Терека», то есть пересекшие реку Терек для поездки в Россию), в Петербургском университете. По возвращении из Санкт-Петербурга некоторые из них стали лидерами грузинского антиимперского национального движения. Эта плеяда во главе с Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели, Нико Николадзе определит будущее грузинской философской мысли, словесности и развития общества в целом. Благодаря им возникают грузинские литературные альманахи, различные общественные организации, новые формы литературных взаимосвязей. Литература становится ведущей силой общественного сознания. Переводы русской классики и современных авторов постоянно появляются на страницах журнала «ცობჯობი / Цискари» и газеты «ოჯობი / Иверия». Благодаря грузинским «шестидесятникам» XIX века, начинается процесс ознакомления русского читателя с грузинской классической и новейшей литературой. Связи «шестидесятников» с деятелями русской культуры углубляются и обретают форму постоянных общественно-литературных контактов: «В 60-е годы XIX века, находясь под русским колониализмом, грузинская национальная идея обрела новое определение» (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015. С. 50). В начале XX века продолжили свое существование разновекторные тенденции в отношениях России и Грузии:

Революция 1905 года в Грузии – летучее пламя крестьянских восстаний, особенно полыхавших в Западной Грузии – в Гурии <...>: народные дружины отбирали землю у помещиков, утверждали на местах свою, народную власть. Красная гвардия вела настоящие бои с жандармами (Цурикова, 2015. С. 23).

Тогда же начинается новый этап русско-грузинских литературных контактов. В Кутаиси завязывается знакомство Тициана Табидзе с Федором Кузьмичом Сологубом. Позже, будучи студентом Петербургского университета, Тициан расширяет круг знакомств, и они перерастают в дружбу между русскими и грузинскими писателями и поэтами начала века: грузинские символисты – «голубороговцы» Паоло Яшвили и Тициан Табидзе, Григол Робакидзе, Валериан Гаприндашвили, Георгий Леонидзе дружили с Андреем Белым, Константином Бальмонтом, Сергеем Есениным, Владимиром Маяковским, Борисом Пастернаком (см.: Там же). Первые два десятилетия XX века Грузия, как и век назад, играла особую роль – роль «кавказской Франции» и «Фантастического кабачка» (Там же. С. 99, 103), благодаря расцветшему искусству модернизма и роли убежища для выходцев из России:

В те дни стиралась грань между взорванной революциями Европой и восточным Тифлисом, который день ото дня наводняли беженцы и дезертиры, который сам становился почти европейской столицей (Там же. С. 93).

Свержение российского самодержавия в 1917 году дало возможность возникнуть независимой от России Грузинской демократической республики. Просуществовала она с 1918 по 1921 год:

Грузия отделилась от России.
Грузия – независимая республика!
Тициан Табидзе вернулся в Грузию...

(Там же. С. 87)

После советизации Грузии в 1921 году творчество грузинских «голубороговцев», находившихся под сильным влиянием французского символизма, как и русских поэтов-модерни-

стов, было объявлено «буржуазным» и подверглось серьезному давлению со стороны новой власти. Модернистская грузинская литература 1920–1930-х годов развивалась в рамках анти-советского дискурса (Ратиани, 2015. С. 63). В тот же период продолжается тесное общение между грузинскими и русскими литераторами, некоторые из которых сбежали в Грузию от голода и разрухи Гражданской войны 1917–1922/1923 годов (например, Осип Мандельштам) (Никольская, 2000).

В связи с крушением Российской империи центральный элемент символической репрезентации имперской идентичности – Кавказ и Грузия – вроде бы уходит в прошлое. Для большевиков понятия *свой/чужой* или *иной* стали иметь иное значение, отличающееся от значения в имперский период: «благородный дикарь» или азиат/кавказец – и русский как европеец по отношению к нему. Своими или чужими были те, кто поддерживал или не поддерживал большевиков, вне зависимости от региона, хотя и большевики из мультиэтнических регионов бывшей империи принадлежали к «иному» меньшинству, то есть после 1917 года и Гражданской войны субъект и объект «ориентализма» смешались. Ленинский социализм стал синонимом европеизации старой России (Baberowski, 2007. С. 281). Но романтизация Грузии как края-убежища остается лейтмотивом русской литературы. Она развивается параллельно теме национального противостояния: сначала империализму, а затем большевизму. Например, Сергей Есенин написал известное стихотворение «Поэтам Грузии» (1924), где называет южный край «Земля далекая! Чужая сторона!», а в его письмах говорилось о Грузии как о крае, в который он стремился вернуться. В письме Тициану Табидзе читаем: «Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере – тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас» (20 марта 1925, см.: Табидзе, 1964. С. 237). Уроженец Грузии Владимир Маяковский в стихотворении «Владикавказ – Тифлис» (1924) даже не давал шанса усомниться читателю в особенности его родины, как рая:

...Я знаю:
 глупость – эдемы и рай!
 Но если
 пелось про это,
 должно быть,
 Грузию,
 радостный край,
 подразумевали поэты...

В первые два-три десятилетия существования СССР представления о национальных культурах были сконструированы в соответствии с интересами советской власти (Rumjancev, 2015. Р. 490). В конце 1920-х – начале 1930-х годов, в период «коренизации», когда большевики стремились создать из «отсталых» народов современные нации, вплоть до изобретения письменности (для азиатских и кавказских народов) и традиций, национальные кадры были приоритетными. Для 48 народов и народностей были изобретены письменные языки и оформлены в литературы (Simon, 1986. Р. 57). Большевики говорили о культурной революции, новых людях и новом укладе жизни (Baberowski, 2007. Р. 284). Начиная с 1937 года языки, письменность которых основывалась на латинице, были переведены на кириллицу (Simon, 1986. Р. 62). Грузия и Армения занимали особое место благодаря оригинальным языкам, письменности и древней культуре. Их алфавиты не были изменены. Кроме того, стало издаваться много литературы народов СССР, чему способствовала работа писательских бригад, которые изучали литературы разных народов и занимались переводами. Начался масштабный проект по созданию «советской многонациональной литературы», инициатором которого был Максим Горький. За красивой идеей скрывались политические цели: поставить литературу на службу

идеологии и с помощью писателей не просто сблизить народы СССР, а сконцентрировать внимание читателей на давних и глубоких связях, даже в тех случаях, когда их могло и не быть. Власть целенаправленно создавала межнациональные скрепы, основываясь на истории и культуре (см.: Eimermacher, 1994; Hildermeier, 1998). Началось *производство/изобретение* традиций. Таковыми стали повсеместная установка памятников поэтам и писателям, празднование юбилеев Пушкина, Руставели, Шевченко и др. (Martin, 2001), дней или декад грузинской или какой-либо иной культуры. Первым культовым поэтом Закавказья стал Шота Руставели. Свою поэму «Витязь в тигровой (барсовой) шкуре», ставшую памятником средневековой литературы, он посвятил царице Тамаре. Хотя в те же времена жил не менее известный поэт Григор Чахрухадзе, посвятивший царице Тамаре поэму «Тамариани» (конец XII – начало XIII века), культовым его не сделали. Руставели был облюбован советской властью. Первым в Закавказье отмечали его юбилей, а имперский Головинский проспект был переименован в проспект Руставели (Rumjancev, 2015. P. 496–499). Образ Руставели использовался в качестве символа Грузии как одной из самых благополучных советских республик и триумфа грузинской культуры. Он стал *изобретенной традицией* (Hobsbawm) советского периода. Образ Руставели визуализировался в виде иллюстраций к изданию поэмы (например, «Молодой Сталин читает поэму Ш. Руставели „Витязь в тигровой шкуре“», 1937) и в виде памятников. В середине войны, в 1942 году, памятник Руставели был удостоен Сталинской премии. А в 1966 году, во время второго празднования руставелиевского юбилея (800-летия), был установлен памятник Руставели в Москве. Тогда с пламенными речами о значении творчества Руставели высказались представители национальных литератур каждой советской республики (Тихонов, Шолохов, Кулиев, Межелайтис, Бажан, Капутикян, Бровка, Судрабкалн и др.). Венчала хор комплиментов речь Брежнева: «Руставели – грузин, но он принадлежит не только Грузии. Он принадлежит всем народам нашей многонациональной родины» (из речи Брежнева на открытии юбилейного объединенного пленума союзных писателей СССР и Грузинской ССР в Тбилиси, 1966; см.: Летопись дружбы, 1967. Т. II. С. 574–587).

Из стихотворения Иосифа Нонешвили «Мысли вслух у памятника Руставели в Москве»:

...В гуле грозных тех годин
 Русский встал за Руставели,
 Стал за Пушкина грузин. <...>
 И мне чудится такое:
 Беспокойна и быстра,
 Как сестра,
 С Москвой-рекою
 Обнимается Кура (пер. с груз. В. Лугового, 1966).

Образ Грузии как особенно благополучного края, некоего рая, культивировался и в начале, и в середине XX века. Происходило это благодаря социальным благам, которые находили здесь жители центра, спасавшиеся от войн (Гражданская, Великая Отечественная) или от цензуры (подробнее об этом в главе «Империя дружбы и переводов»). В 1950–1970-е годы русская интеллигенция часто приезжала в южную республику. 1960-е характеризуются очередным всплеском интереса к *свободной* Грузии (Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Евгений Евтушенко и др.). «Это была моя первая встреча с Грузией. Грузия ошеломила меня. Это совпало с первыми публикациями» (Андрей Вознесенский. «Иверский свет», 1981. С. 6). Душевная расположенность к краю выразилась у Беллы Ахмадулиной в «Снах о Грузии»: «родины родной суровость, нежность родины чужой» (1960). А следующие строки были знакомы почти каждому любителю поэзии шестидесятников:

Сны о Грузии – вот радость!
И под утро так чиста
виноградная сладость,
осенившая уста.

Здесь писатели и поэты получали возможность публиковать произведения, которые не могли появиться в издательствах центра. В легендарном журнале «Литературная Грузия» печаталась полузапрещенная литература, содержание которой не совсем совпадало с требованиями соцреализма. В Грузии действовали свои механизмы существования при советской власти. Из-за этого южная республика обрела ореол избалованной советской властью. Из-за *всевозможности и многодозволенности* при официальной цензуре или полуцензуре складывалось впечатление свободы. Для литераторов из центра переводы с грузинского были большим финансовым подспорьем. В процессе межнационального литературного общения каждая сторона находила пользу:

для московских «братьев-писателей» это была интересная работа (путешествия по республикам при невозможности ездить, как раньше, за границу), для бывших «попутчиков» – способ демонстрации политической лояльности (через продвижение актуального идеологического проекта), для писателей-националов – способ выйти за рамки провинциальных, наспех созданных «братских литератур» (через популяризацию, национальные декады, продвижение национальных авторов в центре, других республиках и за рубежом). И для всех – просто прибыльное предприятие (через редактуру, переводы, издания и институции «братства литератур») (Добренко, 2013. С. 194).

Если в русской литературе романтизация Грузии продолжалась вплоть до развала СССР, то в грузинской отношении к советской России было более сложным. Учитывая то, что начиная с 1930-х годов литература стала инструментом власти и литературный процесс подвергся огосударствлению, начался процесс насаждения клише и штампов, служивших сдерживающими и сближающими скрепами многонационального и многокультурного общества. Соцреализм занимал свое место не только в русской, но и в грузинской литературе на протяжении всего советского периода. Любое отклонение от канона вызывало негативную реакцию. Иллюстрацией такого настроения служит доклад П. А. Шария «Пути развития грузинской советской литературы», представленный на III съезде советских писателей Грузии 9 сентября 1946 года, в котором «голубороговцы» названы «декадентско-нигилистской» группой, а грузинский футуризм охарактеризован как «художественное убожество» (Шария, 1946. С. 10–11). Кроме того, Шария обвинял Алио Мирцхулаву (псевдоним Машашвили), зачинателя грузинской комсомольской поэзии, в отходе от социалистического реализма в сторону «странной смеси безыдейности и доморощенной философии», а писателя Григола Абашидзе – в производстве «литературного брака» и дурном «влиянии на молодое поколение» (Там же. С. 14–15). Типичным соцреалистическим романом был, например, написанный на грузинском «გვადი ბიგვა / gvadi bigva / Гвади Бигва» Лео Киачели (1938). «Героем времени» становится выходец из низов, который благодаря советской власти смог реализовать свой личностный потенциал. В 1936 году выходит в свет эпопея «სტალინი. ბავშვობა და ყმობა / stalini. bavshvoba da qmoba / Сталин. Детство и отрочество» Георгия Леонидзе (см.: Барамидзе, Радиани, Жгенти, 1952).

Контроль и проникновение государства во все сферы жизни, насаждение рамок и клише являлось одной из черт тоталитаризма (Friedrich, Brzeziński, 1956; Arendt, 1951, 1986), целью которого было формирование идеологической диктатуры (Ратиани, 2015. С. 58). Учитывая

политическое вмешательство, грузинская литература советского периода вынуждена была развиваться по двойным стандартам: с одной стороны, продолжать модернистские тенденции на протяжении всего этого времени, а с другой – соблюдать рамки соцреализма и выдерживать советский тоталитарный контроль, который сделал культуру, а значит и литературу одним из своих инструментов (Ципурия, 2016. С. 20). Тогда в грузинской литературе существовали маргиналы, для которых антисоветский дискурс стал преобладающим в их творчестве (М. Джавахишвили, А. Каландадзе, Ч. Амирэджиби, О. Чиладзе и др.). Амбивалентность литературного процесса с его советским/антисоветским дискурсом породила доминантную и маргинальную сферы внутри него. Советская грузинская литература вынуждена была пользоваться новыми способами кодирования информации (Ципурия, 2016). Дональд Рейфилд говорит о том, что именно в советский период грузинский язык и грузинские культурные ценности наилучшим образом послужили для написания исторических романов (Рейфилд, 2017).

Грузинская средневековая история хорошо подходила для передачи сюжета об освобождении от империй, а кавказского разбойника можно было описывать как протореволюционного борца за свободу и против богатых феодалов и иноземных захватчиков. К тому же исторические романы получили особую популярность благодаря Сталину, который любил их читать. Они служили идеологии, а позже и «антиидеологии», что грозило и другой опасностью (Rayfield, 2002. P. 583–584). Таковым, по словам Рейфилда, оказался роман известного грузинского писателя Михаила Джавахишвили, которого расстреляли в 1937 году как врага народа, «шпиона и диверсанта», – «*არსენა მარაბდელი* / *arsena marabdeli* / Арсен из Марабды», завершённый в 1932 году. В нем речь идет о жизни в грузинских поместьях Бараташвили и Орбелиани во время войны с Турцией и Персией и о заговоре дворян и интеллигенции. Содержание сводилось к борьбе с российской властью, с российскими офицерами, которые, проводя депортации и казни, удерживали власть в Грузии.

Прием иносказаний с помощью исторических сюжетов и персонажей был популярен и у грузинских писателей послевоенного периода, особенно начиная с 1970-х годов, когда одним из самых распространенных приемов в советской грузинской литературе была мифологизация (Беставашвили, 1973. С. 269–272). Эти приемы наглядны в романах Чабуа Амирэджиби «*დათა თუთაშხია* / *data tutashkhia* / Дата Туташхия» (1975), Отара Чиладзе «*გზაზე ერთი კაცი მიდიოდა* / *gzaze erti katsi midioda*» / Шел по дороге человек», в рассказе Владимир Сихарулидзе «*მეათე მოწმე* / *meate mots'me* / Десятый свидетель» (1972), в романе Гурама Гегешидзе «*ცოდვილი* / *tsodvili* / Грешник» (1975), повести Тамаза Чиладзе «*პოსეიდონის სასახლე* / *p'oseidonis sasakhle* / Дворец Посейдона» (1978) (Там же).

Отар Чиладзе, выдвигавшийся на Нобелевскую премию 1999 года, в советский период описывал историю Грузии через призму аннексии со стороны России и обращался к мифам, чтобы выразить свою позицию с помощью иносказаний. Тема колонизации Грузии стала главной в романе «Шел по дороге человек» (1973). Советские литературоведы рассматривали роман как некий антими́ф об аргонавтах. Речь шла об истории маленького грузинского города Вани, когда еще он принадлежал Колхиде. В центре романа – история поражения царя Аэта, отца Медеи, после которого Колхидское царство становится греческой колонией. За образом Древней Греции, захватившей Колхиду, автор скрыл Россию. Пара Медея – Ясон – это Грузия – Россия. Медея, чей образ в мировой и грузинской культуре ассоциируется с Грузией, выступает юной, хрупкой, наивной, безумно любящей Ясона, а не демонической женщиной из древнегреческой трагедии. Она отдает все возлюбленному, а Ясон, изменивший ей, все «алчно приобретает» (Там же).

Помимо иносказаний, грузинские литераторы нашли и другой механизм «мимикрии»: тему свободы и застолья в грузинской литературе. Она имеет сложную историю зарождения и формирования (Ram, 2014; Андроникашвили, Майсурадзе, 2007). Георгий Майсурадзе и Заал Андроникашвили в статье «Грузия-1990: Филологема независимости, или Неизвлечен-

ный опыт» пришли к выводу, что свобода литературы и застолья играла роль вытесняющего механизма, игнорирования реальной несвободы и ее подмены мифом о свободе. Застолье и литература (филология) стали центральными мифогенерирующими дискурсами для грузинской культуры XX века:

...грузинский литературный дискурс XX века постулирует отказ от социальной активности, ища утешения в идеализированном пространстве застолья и литературы (Андроникашвили, Майсурадзе. С. 127).

Дискурс насилия и высвобождения, который передавался в грузинской литературе иносказаниями, маскировал реальность, скрывавшуюся за маской благополучия. Она была сдернута современными скандальными произведениями – такими, например, как повести «ისტორია / ist'oria / История» и «პირველი რუსი / p'irveli rusi / Первый русский», вошедшие в сборник рассказов и повестей (2003) одного из самых известных молодых грузинских писателей Лаши Бугадзе / ლაშა ბუგაძე (1977 г. р.). В «Истории» речь идет о красивейшей молодой грузинке Маико Орбелиани, которой завидовали женщины и которую вожелели мужчины. Ее тщательно подготавливали к какому-то неоглашавшемуся событию. В конце произведения читатель узнает, что событие это – приезд российского императора Николая I в Грузию, а Маико должна была ублажить императора. Писатель зло иронизирует, описывая, как тщательно, с вдохновением и гордостью подходила к своей задаче героиня. Правда, после грузинского застолья император заснул и все усилия Маико были напрасны. Наутро грузинские князья гордились тем, что именно таким должно быть грузинское гостеприимство. Бугадзе высмеял грузинскую готовность угодить колонизатору и раболепствовать перед ним вплоть до перешагивания устоев, которые грузины тщательно и демонстративно соблюдают. Сарказму подвергся и император, которого писатель изобразил, исходя из стереотипных установок о русских как о любителях алкоголя. Используя образ героини как аллегория Грузии, а образ императора как аллегория России, автор передал процесс ожидания со стороны грузин и неоправданности надежд, возлагавшихся на Россию.

Самым скандальным текстом (Иаташвили, 2004. С. 199–205), вплоть до горячих дискуссий на телевидении и приглашения из-за нее на разговор в Патриархию Грузии (Иаташвили, 2010), явилась повесть «Первый русский» о Юрии Боголюбском, первом муже царицы Тамары. Здесь один из биографических моментов жизни царицы подвергся критически-саркастическому взгляду. Автор не только помещает в центр внимания читателя детали, предшествовавшие странной брачной ночи царицы и князя, но и вырисовывает образ Боголюбского как зоофила, от ласк которого его любимый кот Вася ночами «умирал и возрождался» от удовольствия (Бугадзе, 2003. С. 117). Постмодернистский подход к истории и названным историческим деятелям был неприемлем для грузинского читателя. Здесь, как и в «Истории», развенчивается образ России как мощного агрессора и предлагается свой взгляд на российское присутствие и участие в Грузии, а также зло критикуются грузинская расположенность к метаморфозам истории и их прятие.

Период *неприсутствия* (доимперский период) оказался для двух стран единственным периодом отношений вне парадигмы «колонизатор/колонизованный». Тогда Россия была представлена в грузинской литературе «солнцем с севера», а Грузия – древней страной (Колхидой, Иверией), красавицей, расположившейся у южного подножия России. После вступления Грузии под протекторат Российской империи из-за сложившейся политической иерархии «империя – колония» произошло изменение основных нарративов. Политическая составляющая стала причиной появления в грузинской литературе, например, образа России-агрессора, покорившей Грузию, а в русской, наоборот, укрепился и расцвел романтизированный образ южной страны. *Имперская литературная традиция* стала сводиться к сквозным темам, мотивам и дискурсам: свобода/несвобода, Грузия как экзотическая красавица, край бога-

той природы, вина и застолья, инициированная грузинами дружба с русскими. Зародившись в XIX веке, эта традиция просуществовала многие десятилетия. Кроме того, внутри нее появились новые *изобретенные* традиции.

1.1. Грузия-рай: от имперского впечатления до советского клише

*Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!*

М. Ю. Лермонтов. Демон (1829–1839)

*Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж деревьев...*

М. Ю. Лермонтов. Мцыри (1839)

Ведущим нарративом имперской литературной традиции был нарратив «Грузия-рай». В XIX и XX веках в путевых записках, воспоминаниях, художественных произведениях литераторов встречаются описания природы и эмоциональных впечатлений, полученных в Грузии, которые со временем сложились в миф «Грузия-рай» и словосочетание «солнечная Грузия». Например, у А. А. Бестужева-Марлинского, оказавшегося в Кахетии у Алазанской долины: «Я стоял очарованный, как Адам в земном раю в первый вечер своего бытия...» (Дорога от станции Алматы до поста Муганлы, 1834). Восприятие края как абсолютно благополучного было заимствовано русскими романтиками-колонизаторами XIX века из грузинской литературы. Существуют два предположения о корнях восприятия Грузии как рая: одно связано с известным грузинским мифом о том, что Бог отдал грузинам, опоздавшим на раздачу земель, территорию, которую оставил для себя; другое сводится к тому, что русские романтики переняли тему о Грузии-рае из шедевра грузинской средневековой литературы – поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В поэме широко развита тема Эдема, на что обращает внимание Звиад Гамсахурдия в книге «Язык образов „Витязя в барсовой¹⁰ шкуре“» (Гамсахурдия, 1991). Например, если перевести последнюю строку поэмы – «В их владениях коза и волк паслись вместе» (Руставели, 2015. С. 231), то, исходя из комментариев Н. Сулава, в строке воссоздана картина всеобщей гармонии и «Таэп, бесспорно, основан на пророчестве Исаии – Ис. 11, 6. Ис. 65, 25 (Там же. С. 319).

В русскоязычном контексте миф о Грузии-рае складывался из нескольких положений. Во-первых, тема богатой природы и изначальной свободы человека («На холмах Грузии лежит ночная мгла...» – Пушкин, 1829; «Там, где, сливаясь, шумят, Обнявшись, будто две сестры, Струи Арагвы и Куры», – «Мцыри», Лермонтов, 1839); во-вторых, тема продуктового изобилия, особенно важная для спасавшихся от войн; в-третьих, единое вероисповедание в России и Грузии, сближавшее два народа; в-четвертых, культурные связи (в русской литературе XIX века декларировалось значение Кавказа/Грузии как истока русской поэзии: «Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной!» (Белинский, 1841). В начале XX века мысль о существовании особого – грузинского – мифа передал Осип Мандельштам в статье «Кое-что о грузинском

¹⁰ Один из принятых вариантов перевода названия поэмы.

искусстве» (1922): «Я бы сказал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф» (см.: Мандельштам, 1990. С. 260–261). Поэт обратил внимание на изобилие, свободу и особую привлекательность Грузии, которую связал с «грузинским эросом».

Ощущение «рая» и «солнечности» Грузии существовало только в той реальности, которую провозглашала Россия (Майсурадзе, 2012. С. 60). В интересах Российской империи, а позже и Советского Союза, миф о Грузии-рае стал играть роль *soft power*. Он был удобен обеим сторонам – и грузинской, и русской. Как и в имперские времена, колонизатор и колонизованный получали взаимную выгоду (чины, посты и т. д.). Со времен советизации Грузии миф этот использовался в целях демонстрации благополучия южного соседа в составе СССР, а также для конструирования образа СССР как территории счастья, на которой царит «советская семья народов», скрепленная *дружбой*¹¹. Этому способствовали более благоприятные по сравнению с центральной частью России природно-экономические условия. Миф о Грузии-рае можно было удачно эксплуатировать, подчеркивая не роль русского/советского цивилизатора, а роль освободителя «рая» от имперских оков и роль страны (России), которая помогла Грузии сменить политический статус: из имперской колонии на «равноправную» республику в составе большой страны. Важным культурным отрезком, который нельзя было обойти, стал золотой век русской литературы, являвшийся достоянием имперского периода:

«Золотой век» в будущем мог стать достоянием только советского народа в целом, а «золотого века» в прошлом у наций не могло быть ввиду их социального и национального угнетения (Лурье, 2011. С. 148–149).

Так как неотделимой частью золотого века являлась Грузия, игнорировать ее роль и положение было невыгодно. Отсюда был запущен механизм, цель которого – способствовать укреплению русско-грузинских культурно-литературных связей досоветского периода путем игнорирования имперского контекста: положений о колонизации Кавказа и Закавказья и личных культурно-общественных контактов интеллигенции России и Грузии тех времен. Появилась почва для *изобретения традиции* культивирования связей Пушкина, Лермонтова, Грибоедова с Грузией или Чавчавадзе, Орбелиани, Табидзе с Россией. Постоянное обращение к мифу «Грузия-рай» стало проводником советской идеологии, связующим прошлое и будущее. В сознании советской интеллигенции восприятие Грузии как рая превратилось в типичное и традиционное. Существование иной Грузии – не-рая и вне контекста России – даже не предполагалось. Миф функционировал, как нить, скрепляющая Россию и Грузию, а иглой являлся сюжет о путешествии на Кавказ/Грузию. Действие «иглы с нитью» закрепляло привязанность. Постоянное обращение к этому мифу в русской литературе имперского и советского периода не только демонстрировало укрепление и развитие *имперской литературной традиции*, но и стало одним из элементов подтверждения российско-имперской/советской модели как разновидности имперской системы.

В советский период поездки в Грузию превратились в паломничество писателей. Изначальной целью таких поездок было желание прикоснуться к «раю» как к южной столице золотого века русской литературы, а также зафиксировать стремление быть причастными к плеяде великих предшественников:

О Грузия, – нам слезы вытирая,
ты – русской музы колыбель вторая.

О Грузии забыв неосторожно,
в России быть поэтом невозможно.

¹¹ На совещании с колхозниками, состоявшемся 4 декабря 1935 года, Сталин впервые использовал словосочетание «дружба народов» (см.: Сталин, 1997. Т. 14. С. 100–101).

(Евгений Евтушенко, 1978)

Миф о рае по отношению к *колонизированным* территориям был типичен для литератур западноевропейских империй (британской, французской, испанской). В этом наблюдается сходство с русской литературой. Западный колонизатор тоже говорил об особенностях природы, об экзотике, исходя из контекста своей цивилизаторской миссии (Said, 1993 / Саид, 2012). Распад империй подверг переосмыслению шаблонное восприятие. В середине 1980-х годов, когда существование СССР как особой *империи* приближалось к концу, миф о Грузии-рае как часть имперской литературной традиции, связанной с ним и служившей амбициям имперских и советских времен, подвергся изменениям, в частности демифологизации.

1.2. От «Тамары» до Гоги: от благородной романтики до анекдота

Гоги торгует цветами:

– Дэвушка! Купитэ этот цвэток – он так пахож на вам!

– Не на вам, а на вас!

– На мну?! Нэ можэт бить!

Кроме нарратива о Грузии-рае, имперскую литературную традицию составляло регулярное обращение к образу *других*, что являлось неотделимой частью картины об исследуемых краях. Если в грузинской литературе XIX века доминировал образ русского колонизатора/покорителя, который заставляет страдать грузин от происходящих бесчинств, и в центре стояли исключительно мужские образы, то в русской литературе вектор был иным. Отталкиваясь от гендерных отличий, следует сказать, что грузинские мужские и женские образы в русской литературе имперского и советского периодов носили эмоционально-положительный характер, отличаясь лишь акцентами, расставленными в характеристиках, и мужской образ был более популярным. Изначально формированию представлений о других народах, как и в случае с Грузией-раем, служили мемуаристика, путевые заметки и художественные произведения. Все они имели отношение к военно-художественной романтике (Цуциев, 2005. С. 152–176). Оказавшись на Кавказе в начале XIX века, русские чиновники/поэты/ссылные стали описывать горцев с целью подчеркнуть и выстроить свою самоидентичность. Роль Кавказа была здесь схожа с ролью саидовского «Ориента» (Said, 1978). Ю. М. Лотман писал: «...граница делит плоскость на две области – внешнюю и внутреннюю. Самой простой семантической интерпретацией такой модели культуры будет оппозиция: мы ↔ они» (Лотман, 1992. Т. I. С. 392–393). Южный край стал территорией, помогающей понять свой культурный образ и определиться в диадах «друг – враг»/ «свой – чужой». Наибольшее влияние на представления о грузинах оказало «Путешествие в Арзрум» (1829) Пушкина. Имперская перспектива легла в основу его восприятия Кавказа и Грузии: грузины преданы Российской империи, они воинственны, и это льстит колонизатору. Пушкин обращает внимание на *силу слабого* – общительность, гостеприимство, дружелюбие, а также на белые пятна в образовании:

Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают большей образованности. Они вообще нрава веселого и общежительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку. Голос песен грузинских приятен. <...> Грузины пьют не по-нашему и удивительно крепки (см. в: Пушкин. Собр. соч., 1960. Т. 5. С. 431).

Л. Н. Толстой также увидел отчасти схожие с пушкинскими представлениями черты: «... милейший народ эти грузины, и умные, и кроткие, и добрые» (см.: Маковицкий, 1923. С. 13). В комплиментарном хоре существовала строчка, будоражившая и раздражавшая не один ученый ум, – это строка из поэмы «Демон» Лермонтова «Бежали робкие грузины» (Богомолов, 2002. С. 48–82). Она не раз подвергалась литературоведческим исследованиям, а в постсоветское время стала использоваться как орудие нападок. Например, Лев Вершинин переиначил ее и назвал свою книгу-лжеисторию «„Бежали храбрые грузины“: Неприукрашенная история Грузии» (2015). В формировании представлений о грузине играли роль и книги европейских писателей, такие как «Кавказ» (1859) Александра Дюма. Восприятие Дюма отличалось от восприятия «поэтов в форме». Его романтический взгляд на *других* не был связан с иерар-

хией «колонизатор – колонизованный», а концентрировался на впечатлениях путешественника, описывающего другой народ: грузинский князь у него храбрый, гостеприимный, щедрый (Дюма, 1988. С. 230), грузинский мальчик – сказочный (Там же. С. 310), а грузинки – первые красавицы на свете (Там же. С. 285); Тифлис Дюма сравнивал с амфитеатром, в котором разворачивается многонациональное действие, шумное и пестрое (Там же. С. 217).

В советский период образ грузина формировался благодаря литературоцентричному сознанию (термин см.: Чупринин, 2007. С. 284). Художественные произведения и личные воспоминания писателей (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Есенин, Пастернак, Ахмадулина, Евтушенко) сыграли ведущую роль. Если суммировать литературные описания, то характерными чертами были следующие: любитель вина и застолий («Пену сладких вин Сонный льет грузин» – Лермонтов; «Над Курою есть духаны» – Мандельштам), веселый и дружелюбный («...я вижу, как меня любят, понимают и ценят» – Пушкин), дружественный по отношению к гостям («О Грузия, – нам слезы вытирая...» – Евтушенко). В советские времена частью исследований русско-грузинских литературных связей были работы, посвященные упомянутому образу. Им интересовались Л. Н. Асатиани, И. С. Богомолов, И. К. Ениколопов, Г. Талиашвили, В. С. Шадури¹². В поле зрения ученых чаще всего попадало несколько отрывков, относящихся в первую очередь к Пушкину и Лермонтову, а позже к Есенину, Пастернаку, Ахмадулиной.

Традиция описания грузина продолжилась после изменения политической формации в начале XX века. На смену *колонизованному* пришел образцовый представитель семьи советских народов, подтверждавший могущество интернационализма (Цуциев, 2005). Этот образ стал результатом коллективного труда и использовался в нескольких целях: во-первых, он, как и миф о Грузии-рае, служил скрепой между Россией и южной республикой; во-вторых, играл роль реверанса власти, во главе которой не один год стояли грузины, в первую очередь Сталин; в-третьих, фоном, на котором русские выступали в лучшем свете. В 1930-е годы стал раскручиваться образ веселого, легкомысленного грузина. Особенно явно это прослеживалось в кинематографе (начало фильма «Трактористы» или конец фильма «Сердца четырех», а позже кавказцы в фильме «Кавказская пленница»). Популяризация такого образа связывалась с правлением Сталина: «Стремясь сделать вождю приятное, заботу о маленькой закавказской республике стали проявлять и на всех прочих уровнях» (Музафаров, 2008). Восприятие его фигуры как воплощения супраэтнического большевизма (Плампер, 2011. С. 263) не помешало процессу ассоциирования вождя с его реальной этнической принадлежностью. Официальная массовая советская культура восходила к мазохистской любви к диктатору:

Его акцент, грузинская фамилия, его харизма легли тенью на всю последующую историю кавказских образов в советской культуре. Серго Орджоникидзе и Анастас Микоян были бледными копиями того же образа. Тираж этих копий огромен. Неприязнь к кавказцам оказалась полным табу, она была невозможна, так как носила в себе скрытую потенцию «антисоветского заговора» (Цуциев, 2005).

¹² См.: Асатиани Л. Пушкин и грузинская культура. Тб., 1949; Богомолов И. Грузия стала традицией для всей русской поэзии (А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Я. П. Полонский, И. Г. Терентьев, С. А. Есенин, П. Г. Антокольский). Тб.: ТГУ, 2002; Богомолов И. С. Из истории грузино-русских литературных взаимосвязей. (Первая половина XIX века.) Тб., 1967; Богомолов И. С. Тропой дружбы: Литературные очерки. Тб., 1984; Ениколопов И. К. Л. Н. Толстой в Грузии. Тб., 1978; Ениколопов И. К. Лев Николаевич Толстой о Грузии. Тб., 1960; Талиашвили Г. Русско-грузинские литературные взаимоотношения (XVIII–XIX вв.). Тб., 1967; Шадури В. С. Выдающиеся деятели русской культуры о Грузии. Тб., 1958; Шадури В. Грузия в русской литературе // Русские писатели о Грузии. Тб., 1948; Шадури В. Летопись дружбы грузинского и русского народов: В 2 т. Тб., 1961; Шадури В. Пушкин и грузинская общественность. Тб., 1966; Шадури В. Русские писатели о Грузии. Т. 1. Тб., 1948; Шадури В. Сквозь столетия. Тб., 1983.

Следующий этап метаморфозы функциональной роли образа приходится на постсталинский период. По одной версии, после смерти Сталина (Арошидзе, 2007), по другой – после расстрела Берии (Цуциев, 2005), в середине 1960-х зарождается иронически-романтический рыцарский анекдотический образ грузина-ловеласа с Черноморского побережья, который, по словам Цуциева, стал последним романтическим образом кавказца. Согласно еще одной версии, именно после смерти Сталина к образу грузина добавились комические черты: теперь это богатый, но глупый персонаж, чаще всего торговец (Арошидзе, 2007). Об анекдотических образах можно узнать следующее:

Это человек заметный, шумный, пестро, часто безвкусно, но всегда «богато» одетый. Больше всего на свете грузин озабочен тем, чтобы другие не подумали, что у него чего-то нет, он очень любит прихвастнуть, показать свое реальное или мнимое богатство.

Грузины в русских анекдотах – люди гостеприимные, любящие компанию, застолье, тосты; щедрые, иногда даже слишком щедрые; они преувеличенно мужественны, но при этом отношение к женщине у них «восточное» – как к низшему существу (напомним известную фразу из анекдота о том, как грузин расточал многочисленные комплименты некоей даме, беседуя с ее спутником, однако когда она попыталась принять участие в разговоре, ей было сказано: «Молчи, женщина, когда джигиты разговаривают») (Шмелев, Шмелева, 2014. С. 167–177).

В период оттепели к образу грузина добавились черты жулика и коррупционера. В советских этнических анекдотах главными чертами грузин были коррумпированность, хвастовство, волокитство, семейность (Мельниченко, 2014. С. 970–975), а также любвеобильность и богатство (Макаров, 27.01.1999). Складывалось впечатление, что они стоят в стороне от общего контекста жизни в СССР: их образ жизни был более свободным, не подчинявшимся законам центра (Nizharadze, 2006). Объяснение поведению, которое легло в основу не только анекдотов, но и стереотипов о поведении грузин, представил психолог, социолог и культуролог Георгий Нижарадзе в статье «Мы – грузины» (1999)¹³. Он проанализировал психологические свойства грузин, сформировавшиеся благодаря историко-политическому развитию страны, и пишет, что Грузия как позднефеодальная страна XIV–XIX веков, зависимая от сильных соседей, выработала свой «адаптационный механизм», направленный на приобретение и сохранение власти, будучи в зависимости. Сводился он к следующему:

феодал, дворянин, претендент на престол, порой просто авантюрист; проявляют лояльность по отношению к власти, находящейся на отдаленном расстоянии (султан, шах, император), но всегда оказывают сопротивление местным правителям. <...> Далекая власть воспринимается как данность, против которой воевать с оружием в руках не имеет смысла <...>. Однако эту власть можно использовать – установить хорошие отношения с ее представителями (говоря фигурально, «принося в дар коньяки») и, таким образом укрепив свое положение, бросить силы на борьбу со слабой местной властью (Нижарадзе, 2014. С. 18–19).

Такая модель поведения поспособствовала формированию психологических свойств грузинского характера: индивидуальная инициатива, умение выстраивать взаимоотношения, острота ума, хитрость, определенное расхождение между словом и делом, способность «про-

¹³ Впервые статья появилась в журнале «Дружба народов» (1999. № 10), а затем воспроизводилась в сборниках: «Защита будущего. Кавказ в поиске мира» (2000. С. 113–138), при поддержке ОБСЕ; «Народы перед зеркалом» (2014. С. 15–48), выпущен редакцией того же «ДН» и издательством «Культурная революция»; по нему я продолжаю цитирование.

бывать», «пудрить мозги», а также стереотип о том, что за проявление верности легитимной власти должностное лицо получает немалые привилегии; кроме того, грузинам, как и другим покоренным народам, была свойственна «сила слабого» (Тернер), проявлявшаяся в гипертрофированном чувстве чести и желании произвести впечатление на инородцев (Там же. С. 19–20).

В постсоветский период культуролог, литературовед Г. Д. Гачев в книге «Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению» (Гачев, 2002) практически завершает формирование представления о мужском образе грузин, который формировался из двух перспектив: имперской и советской. Он пишет, что до краха СССР грузины в русском сознании ассоциировались с юмором, легкостью отношения к жизни, культом рода и дружбы, совестью, восприимчивостью, гостеприимством («В Грузии – болезни желудка и сердца; душа – здорова. Тут пьют – а не пьяницы» – Там же. С. 151), бескорыстностью к гостю, артистизмом, отсутствием национализма, дипломатичностью, воинственностью и властностью, проявляющейся в грузинском характере вне Грузии, они «все восприимчивы, приветливы. <...> Нет в них комплекса неполноценности перед „великими“ державами и культурами» (Там же. С. 51). В постсоветский период образ грузина в художественной литературе вновь претерпит метаморфозы и будет отличаться некоторыми чертами от устоявшегося ранее.

Обращаясь к гендерному фактору, отметим, что некоторые черты грузин, связывавшиеся с мужчиной, особенно комические, не связывались с женщиной¹⁴. Как уже было сказано, в отличие от мужского образа, переросшего затем в стереотип, женский не был столь широко распространен в русской литературе или советских анекдотах. Представления о грузинке складывались, начиная с XVII века, также благодаря путевым запискам европейцев и русских. В европейских источниках лейтмотивом становится тема внешности грузинок как самых красивых женщин Азии (Gogiaschwili, 2008. P. 260–261). Мало кто из широкого круга читателей будет отталкиваться от «Повести о Динаре», первого русского произведения, полностью построенного на грузинском материале и посвященного царице Тамаре (Летопись дружбы, 1967. С. 47), выстраивая представления о грузинке. Вначале придет на ум культивируемая в советские времена как воплощение русско-грузинских связей история любви Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Именно Нина стала для русского интеллигента олицетворением грузинки – благородной, преданной мужу на протяжении всей жизни и даже после его гибели, покорной своей судьбе. Такое представление – как о покорной хранительнице очага – будет отмечено и в более поздние периоды. Часто в русском культурном сознании всплывает образ девы гор из «Мцыри» Лермонтова, в чей голос и внешность влюбился Мцыри (1840)¹⁵, и образ из «Грузинской песни» (1854). В конце советского периода показательным явился образ грузинки у Сергея Довлатова: «Женщины Грузии строги, пугливы, им вслед не шути. Всякий знает: баррикады пушистых ресниц – неприступны» («Блюз для Натэллы», 1985). Следует отметить, что женский образ как стереотип о грузинке не имеет такого широкого распространения, как мужской. Он скорее смежен со стереотипом о кавказской женщине как женщине восточной, с ее покорностью и преданностью семейным ценностям.

Со временем представления о грузине/грузинке сформировались в этнический стереотип благодаря политике, литературе, кино, экономическим условиям и социальным контактам, то есть специфике взаимоотношений между группами людей (Платонов, 2000. С. 288). Ментальные различия легли, например, в основу этнических советских анекдотов. В имперский и

¹⁴ Если во введении я говорила об образе русского в грузинской литературе, то об образе русской женщины мной практически ничего не сказано. Этот вопрос остался пока не изученным.

¹⁵ Держа кувшин над головой, Грузинка узкою тропой Сходила к берегу. Порой Она скользила меж камней, Смясь неловкости своей. И беден был ее наряд; И шла она легко, назад Изгибы длинные чадры Откинув. Летние жары Покрыли тенью золотой. Лицо и грудь ее; и зной Дышал от уст ее и щек. М. Ю. Лермонтов. Мцыри

советский периоды «грузин» прошел несколько этапов изменения – от романтического образа *иного* до анекдотического, в котором сфокусировались стереотипы о кавказцах.

Глава II. Россия – Грузия: от политической до литературной постсоветской деконструкции и демифологизации

Посредством циркуляции массы заново присваивают пространство, конституируя себя в качестве субъекта действия. <... > Эти перемещения нередко стоят ужасных страданий, но вместе с тем в них присутствует желание освобождения, не удовлетворяемое иначе, кроме как присвоением новых пространств, где рождается новая свобода.

Майкл Хардт, Антонио Негри (2000. С. 366)

Постсоветский период стал переломным не только в геополитике, но и в научном, и в переводческом, и в литературном процессе. Изменившая политический курс Грузия стала для кого-то предательницей по отношению к России, а для кого-то, наоборот, новой постсоветской страной-ориентиром. В Грузии же по отношению к России открыто и резко зазвучали обвинения в аннексии. Сентиментально-романтический дискурс русской литературы, активно поддерживавшийся в советский период, преобразовался в две параллели, каждая из которых в то или иное время начинает доминировать: прежняя, романтическая, и новая – демифологизирующая. Первая группирует вокруг себя известные мотивы (природа, дружба, достопримечательности), вторая связана с проблемами новейшего времени: крах СССР; образование новых государств, сопровождавшееся региональными межэтническими войнами; проблемы национализма; поиск нового лица, то есть выстраивание новой национальной идентичности; пересмотр совместного прошлого.

2.1. Гласность, или Занавес сдернут: осколки национализма

– Со всеми православными странами соримся <...> теперь угрожаем войной грузинам. Кто остался? Одни греки! Если еще с ними начнем цапаться – конец православию.

Александр Потемкин. Человек отменяется (2008. С. 381)

За советской идеологемой *дружба народов* скрывался клубок неразрешенных за советский период национальных вопросов, которые привлекали к себе многих исследователей «советской империи». О национальной политике и определении СССР как особой империи писали и на Западе, и в России¹⁶. Андреас Каппелер¹⁷, рассматривая Российскую империю, а затем и СССР как наследника империи в рамках единого поля – «советской полиэтнической империи», обратил внимание на то, что национальный вопрос интерпретировался односторонне. История России зачастую неверно воспринималась западными учеными как национальная история только русских¹⁸. На другие народы обратил внимание Терри Мартин (Terry Martin). Сфокусировав внимание на сталинском периоде, точнее на анализе действий/мероприятий центральной власти по поддержке и развитию культур национальных меньшинств, он доказал то, что идет вразрез распространившемуся и культивируемому мнению, особенно в постсоветский период: тезис о подавлении малых народов со стороны «титულიной» нации является не совсем верным, и это наглядно видно при анализе политики 1920–1930-х годов:

Советская политика была оригинальной в том отношении, что она поддерживала проявление национальных форм меньшинств в ущерб титульным нациям. Она решительно отвергла модель национального государства, заменив ее множеством национальных по типу республик (Martin, 2000. P. 75).

Хотя утверждению о самопожертвовании русских противостоят более поздние картины подавления национализма, например в той же Грузии в 1924, 1956, 1978 и 1989 годах.

Практически параллельно исследованию Мартина появляется статья Дэвида Ч. Мура (David Ch. Moore) «Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique / Есть ли пост- в постколониальном и пост- в постсоветском?» (2001), в которой автор стремится дать определение Советскому Союзу, и результатом становится появление термина «reverse-cultural colonization (обратно-культурная колонизация)». Мур тоже не обошелся без обращения к национальному вопросу. Он приходит к выводу, что в СССР проводилась политика упразднения привилегий для русских на юге и востоке бывшей Российской империи, и советская власть прикладывала большие усилия для развития индустрии, образовательной и медицинской сфер на периферии: строительство заводов, фабрик, школ, больниц, освобождение женщин из гаремов (Moore, 2001. P. 123). Д. Ч. Мур указал на фактическую антиколониальную борьбу, целью которой было построение государства новой формации.

¹⁶ Carey, Raciborski, 2004; Chari, Verdery, 2009; Korek, 2007; Kuhniewicz, 2008; Stefanescu, 2012; Tlostanova, Mignolo, 2009; Kappeler, 1992; Martin, 2001.

¹⁷ Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung-Geschichte-Zerfall (1992). На русский язык книга переведена в 1997 году. *Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад* / Пер. С. Червоная. М.: Прогресс-Традиция, 1997.

¹⁸ «До недавнего времени в западных странах все жители СССР обозначались как русские, и ничего не было известно о литовцах, казахах и грузинах, не говоря уже об осетинах, месхетинцах или гагаузах»; и далее: «Авторитарная система при помощи широкой информационной монополии и репрессий десятилетиями скрывала существование национальных проблем. Основная часть западных наблюдателей принимала такое положение вещей: некоторые представляли себе государство лишь как гомогенную этническую общность. <...> И только распад СССР показал широкой общественности, что Советский Союз был полиэтнической империей» (Каппелер, 2000. С. 16–17).

Лишь российская исследовательница Мадина Тлостанова в книге «Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская культура и эстетика транскulturации» (2004), определяя СССР как «трансимперское, транскulturное и транснациональное» пространство и исходя из российской/советской имперско-колониальной конфигурации, говорит о чувстве «второсортности [нерусских] всех остальных этносов и народов – как живших внутри СССР, так и его полуколоний – социалистических стран». Если вернуться к литературе и заглянуть в «Империю...» Битова, то точка зрения Тлостановой подтверждается самим «русским имперским человеком»:

Чья земля?

Армянская прежде всего. Нет, грузинская. Нет, абхазская. Нет, греческая. Чья земля? – того, кто раньше, или того, кто позже? Мы переглядываемся с русским шофером: земля-то, конечно, русская... (Битов, 2009. Т. IV. С. 329–330).

Разные научные подходы стали результатом вскрывшегося ящика Пандоры, которым и был национальный вопрос:

камнем преткновения для советской Империи оказался именно национальный вопрос. Под ритуальные заклинания о «братской дружбе» и «добрососедских отношениях» национальное звено неуклонно слабело в цепи социализма. Взрывы национальной ненависти, потрясшие СССР в конце 1980-х годов (и продолжающиеся поныне), не приснились бы советскому человеку и в кошмарном сне (Азадовский, 2003. С. 11).

Во второй половине 1980-х годов, после провозглашения М. С. Горбачевым перестройки и гласности, свобода слова превратилась в «орудие атаки» (Гусейнов, 2018). Было снято табу на ранее неприкасаемые темы, в том числе и на национальный вопрос, из-за чего доманифестные формы тлеющего межэтнического напряжения переросли в манифестные (Гусейнов, Драгунский, 1990):

М. Горбачев в первые годы своего правления не осознавал, какой взрывной потенциал заложен в межнациональных отношениях, верил, что национальный вопрос в СССР решен (Гайдар, 2006, С. 171).

Умалчиваемая и непозволительная при советской политкорректности псевдопатриотическая риторика оказалась самой востребованной: «Этнически мотивированная ненависть была нередким первым выражением свободы мнения» (Majsuradze, 2011. P. 26). Проблемы, связанные с национальной политикой, зазвучали сверхагрессивно.

Начался процесс поиска врага, виновного в социально-экономическом и политическом кризисе. Советское общество разделилось на тех, для кого *другие* были естественной частью повседневной жизни, то есть исходивших из советской официальной установки на *дружбу* (Thun-Hohenstein, 2011. S. 31), и на тех, для кого *другие* стали врагами, виновными в накопившихся проблемах¹⁹. Причинами межэтнической напряженности назывались: бытовой и неофициальный национализм, несправедливые – с точки зрения различных этносов – административные границы; факт проживания части этноса за границей СССР (как это имеет место в Азербайджане или на Западной Украине); ошибки регионального планирования; просчеты в культурной и языковой политике; нарушение пропорций представленности различных этносов в науке, культуре, административных органах; засекречивание информации, касающейся недавней истории; наконец, наследие сталинизма в виде различного государственно-правового

¹⁹ «...такие критики политики России на Кавказе, как Ф. Старр и Св. Корнелл, признавали, что в Грузии у политической элиты просматривается тенденция обвинять Москву во всем плохом, просто чтобы снять с себя ответственность» (см.: Тонюлев А. Отношения России с государствами постсоветского пространства (1992–2008) в оценках американских и британских исследователей. 2013. С. 182).

статуса разных народов (Гусейнов, Драгунский, 1990). Еще одной причиной напряжения являлась политика русификации: «Весь каркас советской культуры держался на специфическом преломлении русской культуры» (Лурье, 2011). Причиной вскрывшихся проблем служил двойной принцип национальной политики в СССР: с одной стороны, создание наций, а с другой – подавление, но не уничтожение имеющихся (Лурье, 2011), что выливалось затем в митинги и столкновения (Тбилиси, 1978, Сухуми, 1967, Ташкент, 1969, Каунас, 1972, и многие другие)²⁰.

Неопределенность стала причиной споров о советской национальной политике и национализме. Исследователи писали и о вынужденном склонении к национализму (Svante E. Cornell)²¹, и об одновременной борьбе с «(буржуазным) национализмом», и об утверждении этноцентричной трактовки «социалистических наций» (Карпенко, 2013. I, 14), и о том, что советское государство не просто породило национализм, но и укрепило его при помощи приписывания национальных идентичностей и установления национальных границ (RakowskaHarmstone, 1974; Terry Martin, 2001). Итогом сложного политического процесса стало появление разных видов постсоветских национализмов (Jones, 2013. P. 215), а также порождение «масок Угнетателя, Угнетенного, Обделенного, Нахлебника, Мигранта, Лимитчика и т. п.» (Гусейнов, Драгунский, 1990).

Как явление, характеризующее определенный исторический период, всплеск национализма нес и свою важную функцию – он помогал разорвать с «имперским» и «колониальным» прошлым и выстроить национальную идентичность и новый суверенитет. Вспоминается утверждение из «Империи» Майкла Хардта и Антонио Негри (2000), что всплеск национализма – это закономерность, которая служила деколонизации в ментально-социальном смысле. В Грузии (и в балтийских республиках), в отличие от России, где появилась возможность открытых дебатов о правах человека и демократии, в середине 1980-х активировалось обсуждение проблем национальной идентичности, языка и национального возрождения, что явилось первым сигналом об отделении и появлении «новой» нации и нового национального государства. Обострившиеся процессы были продолжением национально-освободительной борьбы, зародившейся еще в XIX веке (см.: Majsuradze, Thun-Hohenstein, 2011; Ципурия, 2016), когда Грузия пыталась освободиться из-под влияния Российской империи. В советский период в развитии грузинского национального движения особую роль играли церковь, как островок активного проявления неприятия советского режима, и студенчество, главным образом Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили (Алексеева, 1992):²²

²⁰ См. в статье Маркедонова (2007. С. 163): «В апреле 1978 года в Тбилиси прошли массовые акции с требованиями сохранить в Конституции Грузинской ССР статьи о государственном статусе грузинского языка. Спустя двадцать лет в специальном распоряжении президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе было сказано об историческом значении дня 14 апреля 1978 года, в который „тогдашние власти, общественность, молодежь Грузии не только защитили статус грузинского языка, но проявили единство в борьбе за национальные идеалы“». «В конце 1977 года в союзные органы власти было направлено так называемое „письмо 130-ти“, на этот раз подписанное представителями абхазской интеллигенции. Это был не первый всплеск массового недовольства в Абхазии. В 1957 и 1967 годах абхазская интеллигенция уже направляла такого рода обращения в ЦК КПСС. Авторы петиции 1977 года ставили вопрос о выходе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР с последующим конституционным закреплением этой сепарации. 22 февраля 1978 года обращение стало предметом рассмотрения на бюро Абхазского обкома партии, причем пункт повестки дня был сформулирован следующим образом: „О неправильных взглядах и клеветнических измышлениях, содержащихся в коллективном письме от 10 декабря 1977 года“. Однако позиция партийных органов вызвала жесткое неприятие населения. 29 марта 1978 года в нескольких селах Гудаутского района состоялись сходки в поддержку „письма 130-ти“, на которых вновь, как и во время массовых акций 1967 года, звучали требования прекратить переселение грузин на территорию Абхазии. (Такая миграция поощрялась властями Тбилиси.) В 1978 году в ходе принятия Конституции Абхазской АССР было принято компромиссное решение: абхазский язык, наряду с грузинским и русским, стал государственным на территории автономии» (Маркедонов, 2007. С. 160–161). О хронологии советских волнений можно узнать онлайн: Народные волнения в СССР 1953–1984 (Часть I, II, III) – <http://afanarizm.livejournal.com/153804.html>, <http://afanarizm.livejournal.com/153968.html>.

²¹ «Национализм рассматривал нацию как определяющее для индивидуальной и коллективной идентичности, а коммунизм – социальный класс. Но и идеологические, и практические соображения позже принудили архитекторов Советского Союза отдать предпочтение национализму» (Cornell, 2002. P. 61).

²² Цитируется по третьему изданию 2012 года.

Патриотический и антирусский настрой является хорошим тоном во всех слоях, даже у высокопоставленных партийных и правительственных чиновников. <...>

Основной патриотической заботой грузинской интеллигенции является сохранение грузинской культуры. <...> Но особенно массовую базу имеет сопротивление насаждению русского языка в Грузии. Здесь, как и в других республиках, в 70-е годы русификаторская тенденция усилилась <...>. Все шире внедряется русский язык в высших учебных заведениях, в научной и культурной жизни (Алексеева, 2012. С. 90–91).

Многолетние антиимперские, а затем антисоветские брожения, направленные на сопротивление русификации, вылились в радикально агрессивные настроения в конце 1980-х годов, сводившиеся к желанию обрести независимость от СССР. Некоторые исследователи с тем временем связывают пик обострения грузинского национализма, пришедшегося на 1988 год, хотя одновременно отмечают и расцвет либерального национального движения (Sabanadze, 2010). Одним из способов высвобождения стал отказ от общения и ведения делопроизводства на языке «колонизатора», от русского языка (Smith, Law, Wilson, 1998. P. 167–196). Дискуссии о «символическом капитале» (Bourdieu), то есть о языке, о раннем христианстве в Грузии постепенно приобрели сепаратистский контекст. В 1988–1992 годах националистические настроения из бытовых стали открыто-политическими, что, по мнению Сабанадзе, включало в себя три фазы: национальный фундаментализм, национальную апатию и конкурирующий вариант национализма (Sabanadze, 2010. P. 89–111). Главным аргументом грузинской элиты в процессе сопротивления мощи северного соседа являлся грузинский «символический капитал»: язык, древняя культура и раннее христианство²³. Синдром исторического и культурного превосходства никогда не проявлялся на страницах официальных изданий, но всегда был остро осознаваемым элементом «своей» истории (Анчабадзе, 2003. С. 162–163). На протяжении всего *имперского* периода, даже забывая о периоде коренизации, Россию обвиняли в стремлении к русификации, что стало причиной выстраивания образа врага в ее лице:

Антирусский синдром причудливо переплетается с другим важным элементом массовых исторических представлений грузин, в частности, с представлением об уникальности национального опыта и его безусловном мировом значении (Там же. С. 162).

Пик проявления антисоветских настроений пришелся на 9 апреля 1989 года. В Тбилиси на проспекте Руставели мирные демонстранты, выступавшие за выход Грузии из состава СССР, были жестоко разогнаны войсками при помощи слезоточивого газа, резиновых дубинок и саперных лопаток. Это была кровавая акция по усмирению восставшей республики²⁴. Жертвами давки и столкновения стали около двух десятков человек²⁵. Резонанс событий, происшедших в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года, которую затем назовут «ночью саперных лопаток», оказался таким мощным, что стал точкой начала движения за выход из состава СССР и для других советских республик. До официального провозглашения независимости оставались считанные месяцы. Тогда требование «независимости в Закавказье походило на удар ногой по осиному гнезду» (Рейфилд, 2017. С. 478). Десоветизация по сути была схожа с процессом разрыва и

²³ Подробнее см. в: Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E. Nationbuilding in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities. В третьей части книги «Language and nation-buildig» (P. 167–196), где идет речь о значении мифа о языке в Грузии, авторы говорят, что язык составлял большую часть дискурса национальной идентичности и в постсоветский период также стал ключевым в ее определении.

²⁴ Похожие акции уже наблюдались в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968), когда туда вводили советские войска.

²⁵ Оккупация и фактическая аннексия Грузии: Документы и материалы. Тб., 1990. Эту трагедию исследовали во многих книгах: Эрадзе, 1993; Hewitt, 1998; Nodia, 1998; Antelava, 2007; Auch, 2004; Gruska, 2005; Рамишвили, 2006; Kemoklidze, 2011.

уравнивания: она фактически должна была быть направлена на нивелирование имперского дискурса и на начало формирования суверенитетов. Бескровно этот процесс пройти не мог:

<...> исток политической власти и определение суверенитета кроются в победе одной из этих сторон, победе, делающей одного сувереном, а другого – подданным. Суверенитет создается силой и насилием (Хардт, Негри, 2000. С. 101).

Предшествовали той ночи мероприятия в Абхазской АССР. 18 марта 1989 года в абхазском селе Лыхны состоялся многотысячный сход (Шатаева, Мошкин, 2015. С. 118; Рейфилд, 2017. С. 479–483). Представители народа автономии выдвинули идею о выходе Абхазии из состава Грузии и о восстановлении ее в статусе союзной республики, что спровоцировало в Тбилиси массовые митинги: невооруженные грузины выступали против выхода Абхазской автономной республики из состава ГССР.

Действия советской власти 9 апреля стали ассоциироваться грузинским обществом с действиями русских против грузин, а грузинская элита открыто заявляла о многолетнем порабощении Грузии со стороны России. В целом 1989 год был особенным в мировом масштабе, и европейские теоретики охарактеризовали его как границу преломления эпох (Хардт, Негри, 2000) и как «год идеологии разрыва» (Hladik, 2013). Этот тезис явился убедительным по отношению к России и Грузии, а также по отношению к другой «иерархии» – Грузии и ее советским автономиям (Абхазии и Южной Осетии).

Ответственность за новый курс Грузии взяли на себя круги, приближенные к представителям грузинского национального движения. 28 октября 1990 года на первых многопартийных выборах в Верховный Совет Грузинской ССР побеждает блок «Круглый стол – свободная Грузия», который возглавлял советский диссидент, писатель и литературовед Звиад Гамсахурдия. Он же стал первым президентом независимой Грузии. Специфику происходившего проанализировали Заал Андрионикашвили и Георгий Майсурадзе в статье «Грузия-1990: Филологема независимости, или Неизвлеченный опыт»:

К системному и рациональному осмыслению проблем постсоветского строительства образованный класс Грузии, как и все грузинское общество 1990 года, оказался не готов, избрав «филологический» путь. Проецирование национального мифа, выработанного филологическим дискурсом, в плоскость политических решений привело к весьма тяжелым последствиям, включая конфликты с этническими меньшинствами (С. 123).

То есть отсутствие практических знаний и опыта было замещено знаниями теоретическими, книжными:

В Грузии настал беспредел. Гамсахурдия, обращавшийся с министрами, как с прислугой, не признававший своего невежества в экономических, дипломатических и военных делах, не умел управлять (Рейфилд, 2017. С. 482)²⁶.

Андрионикашвили и Майсурадзе считают, что знания и опыт были подменены обращением к националистическим темам, мифам, дискурсам, сформировавшимся в грузинской литературе за многие годы нахождения в российском культурно-политическом поле и не имеющим к реальной стратегии развития государства никакого отношения. Возрастание национализма в позднесоветский и ранний постсоветский периоды сводилось к высвобождению,

²⁶ Все яркие политики того остроконфликтного периода и в Грузии, и в Абхазии были не юристами или экономистами, а гуманитариями, в основном филологами: Звиад Гамсахурдия – писатель, переводчик, картвелолог; Мераб Костава – поэт и музыкант; Джаба Иоселиани – вор в законе, ставший востоковедом и преподавателем драматургии; Владислав Ардзинба – историк, востоковед; Станислав Лакоба – литератор и историк; Юрий Воронов – кавказовед и археолог.

восстановлению национальной идентичности и обретению независимости, а значит, к началу построения нового суверена. Стремление к обретению независимости, с одной стороны, и сохранению влияния, с другой, обернулось цепочкой войн и столкновений, основанных и на процессе «удержания»: Россия старалась удержать в поле своего влияния бывшие советские республики, в том числе Грузию с ее советскими автономиями Абхазией и Южной Осетией, а сама Грузия – в противовес этому – стремилась к независимости и противостояла сепаратистским настроениям в Абхазии и Южной Осетии, подогревавшимся из Москвы. В случае с Россией, по мнению Гайдара, этот сложный процесс «удержания» бывших территорий других советских республик являлся проявлением «фантомных болей» империи. Но я отталкиваюсь от точки зрения, связанной с образованием «нового» суверена не только в лице Грузии, но и в лице РФ – вспыхивание межэтнических конфликтов также было шагом к обретению суверенитета:

Теперь мы можем видеть, что имперский суверенитет, наоборот, организуется не вокруг одного основного конфликта, но, скорее, посредством гибкой сети микроконфликтов (Хардт, Негри, 2000. С. 191)²⁷.

Ситуация, колеблющаяся между понятиями «выделения» и «неделимости» (Гусейнов, Драгунский, Цымбурский, 1990), разрешилась в пользу обретения независимости. Политическая *деколонизация*, сопровождавшаяся стремлением построить новые национальные государства, предполагала появление «новых» национальных идентичностей «старых» культурных сообществ (наций)²⁸. Этот процесс основывался на двух сложностях – избавлении и удержании. Бывшие советские республики и автономии одна за другой оказались перед дилеммой: с Россией (Абхазия, Южная Осетия) или без (Грузия)? И тот и другой приоритет привели к плачевным последствиям в виде постсоветских вооруженных конфликтов²⁹. С одной стороны, война – это выход напряжения, копившегося годами, с другой – точка отрыва, благодаря которой появляется новое:

Война стабильно занимает важное место не только в истории и политике, но и в историко-государственном и национальном самосознании: в национальных мифологиях о зарождении государства неизменно присутствуют отсылки к войнам – об этом свидетельствуют устоявшиеся представления об истории, образы врага и такие национальные символы, как памятники и мемориалы, служащие объединяющими факторами и платформой общностной (само)идентификации (Цимбаев, 2015. С. 9–10).

Исход войны (победа или поражение) объединяет население нового государства. В Грузии отношение к другим менялось в зависимости от президентской политики. Ведущим идеологом времен распада СССР того времени был Звиад Гамсахурдия. Если в его правление преобладали остро антироссийские настроения, то правление второго президента Грузии – Эдуарда Шеварднадзе, бывшего крупнейшего советского функционера в ранге министра иностранных дел СССР, прошло под установкой переходного типа: «Запад – не враг». Позже, при третьем президенте, Михаиле Саакашвили, Грузия развивалась, исходя из политической уста-

²⁷ Подробнее к вопросам постсоветских войн я обращусь позже.

²⁸ Мне близко определение нации как «социально-мобилизованного сообщества индивидуумов, считающих себя объединенным набором характеристик, которые отличают его (в его собственных представлениях) от „других“», и стремящихся создать или сохранить собственное государство, (Торбаков, 2001. С. 393), а также воображающих себя объединенными общностью культуры. Это определение обращает нас к определению нации как «воображаемого сообщества» (Anderson, 1983).

²⁹ См. также в книге Марии Кастро Варела (María do Mar Castro Varela) и Никиты Даван (Nikita Dhawan) «Postkoloniale Theorie: Eine kritische Einführung» («Постколониальные теории. Критическое введение»), где авторы говорят о национализме как о борьбе, целью которой является освобождение из-под господства («Projekt Nationalismus – als Widerstandskampf – mit Ziel der Befreiung aus kolonialer Beherrschung – Dekolonisierung», 2005. S. 17).

новки «Запад – друг, потому что Россия – враг». В период правления Саакашвили националистический дискурс преобразовался в «государственный», то есть под грузинским обществом понимались все этнические группы страны. С начала 1900-х Грузия теряла территории, оставшиеся после краха СССР.

В России начала 1990-х, как и в Грузии, наблюдался всплеск национализма. Этнолог, антрополог Виктор Шнирельман в книге «Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма» в главе «Кавказофобия» пишет, что в начале 1990-х годов в Москве и Петербурге был отмечен резкий всплеск кавказофобии, и причины раздражения отличались от тех, которые прослеживались по отношению к России в Грузии. Заключались они в неприемлемости моделей поведения кавказцев-торговцев и в методах достижения экономического благополучия. Автор приводит результаты социологических опросов, согласно которым, например, в сентябре 1992 года 83,2 % респондентов считали, что «чем меньше будет в городе кавказцев, тем будет спокойнее» (Шнирельман, 2007. С. 630–632). Как отмечает исследователь, в 1999–2005 годах структура ксенофобии стабилизировалась, и у людей сложилась отчетливая иерархия образов «внутренних врагов», возглавлявшаяся кавказцами (Там же. С. 638). Одной из составляющих кавказофобии была грузинофобия. Отдельным предметом исследования она стала для грузинских филологов советского поколения – Нодара Поракишвили, Омара Гогиашвили и Георги Цибахашвили. В постсоветский период вышло три книги этих авторов. Они считают, что грузинофобия – сложный целенаправленный проект, отразившийся и в литературе, и в российском социуме в целом³⁰. Характеризуя книгу «Безумие и безумцы», политолог Тамара Кикнадзе говорит о том, что авторов возмутила несправедливость: грузин «изъяли из общего с Россией пространства, объявили наркоманами, фашистами, ненормальными» (Кикнадзе, 2004. С. 1–4). Но все-таки говорить об особом проекте – «грузинофобском» – как отдельном явлении, думаю, слишком резко. Скорее всего, то была часть упомянутой кавказофобии, обострившейся после развала СССР. Итак, у всплеска национализма была значимая функция «оружия изгнания оккупантов» (Хардт, Негри, 2000. С. 108). «Оккупантами» здесь выступали не военные, а мирное население. Восприятие представителей другой национальности изменилось в сторону агрессивного выдавливания. Например, в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Грузии экономические проблемы и националистические тенденции привели к массовому отъезду негрузинского населения. Другой функцией всплеска национализма было объединение: «воображаемое сообщество» (Anderson, 1983) сплотилось в целях противостояния старой модели политических отношений с Россией. Обе функции стали ступенями более сложного явления – деконструкции советского пространства. Накал межэтнической напряженности и нерешенные национальные вопросы вылились в постсоветские вооруженные конфликты и войны. Они вспыхивали по принципу *имперской матрешки*: из русско-советского поля стремились вырваться советские национальные республики (Грузия), а из республиканского советского поля к независимости стремились автономные образования (Абхазия, Южная Осетия). Начало 1990-х явилось переходным временем для создания новой формации совместного существования и формирования суверенитетов государств – как российского, так и грузинского. Старый суверен (Россия как правопреемница СССР) стремился сохранить влияние на Грузию и ее бывшие советские автономии – Абхазию и Южную Осетию, а новый (независимая Грузия) стремился обрести влияние и укрепить его в новой «воображаемой» форме. Желание автономий получило многостороннюю поддержку с российской стороны (Jones, 2013. P. 239–245). Это породило темы аннексии Россией грузинских территорий и агрессии Грузии по отношению к ним же – к бывшим автономиям.

³⁰ Поракишвили Н., Цибахашвили Г. Сеятели вражды, или Анатомия и физиономия грузинофобии. Тб., 1997; Поракишвили Н., Гогиашвили О. Безумие и безумцы, или Ленин и теперь жалеет всех живых: Незанимательная грузинофобия. М., 2004; Поракишвили Н., Гогиашвили О. Эпидемия идиотизма: О незанимательной грузинофобии и не только о ней. Тб., 2006.

Новые независимые государства, образовавшиеся на основе бывших советских республик, получили в наследство старые административные границы и *пустоту*, которую надо было заполнить новой политической историей, новой национальной идентичностью и *собственной* интерпретацией взаимоотношений с Россией и другими странами, в том числе и новообразовавшимися. «Воображаемые сообщества» (Anderson, 1983) – нации, начавшие создавать свои государства после распада СССР, стали активно провозглашать свои территории, которые иногда не совпадали с границами, установленными в советские времена³¹, а также стремиться использовать лишь один официальный национальный язык, ограничивая, например, обращение к русскому. Кроме того, начался процесс культивирования нематериальной культуры, связанной с гражданской идеологией (под этим пунктом предполагается существование общих исторических воспоминаний, воплощенных в мифах или общих символах и традициях), а также написание новой истории, что совпадало с типичными процессами выработки национальной идентичности, описанными Берндом Эстелем (Bernd Estel) в книге «Nation und Nationale Identität» («Нация и национальная идентичность», 2002). Для того чтобы сделать шаг в будущее, нужно было разобраться с историческим прошлым. Моделирование новой «старой» реальности производилось с помощью нарратива новой национальной идентичности и нарратива внешнего врага. Все это сопровождалось приписыванием старому новым смыслам.

Если в советский период нерешенным был национальный вопрос, то в постсоветский нерешенными оказались вопросы, связанные с представителями этнически смешанных браков, с потомками бывших советских «мигрантов», то есть людей, родившихся и выросших не на этнической родине, а также проблема «культурных гибридов» – людей, сформировавшихся в рамках иной по этническому признаку культуры. Например: грузин, армянин, родившиеся и выросшие в России, или русский, осетин, украинец, родившиеся и сформировавшиеся в рамках грузинской культуры. Этот вопрос оказался неизученным на постсоветском пространстве. В современной науке эта проблема была обозначена как проблема *внутреннего и внешнего или абсолютного и неабсолютного инога* (Dussel, 1975. P. 21), и все это включено в проблемы мульти-, меж- и транскulturализма. Мадина Тлостанова считает, что на постсоветском пространстве потомки этнически смешанных браков и культурные гибриды были особой группой, они понимали всех (Тлостанова, 2004. С. 5–6), потому что полностью никому не принадлежали (Memmi, 1991, xvi), но вместе с тем они являлись и сейчас являются для всех чужими/изгоями. «Чужаки-гибриды» попали под определение *других* и, так же как другие нерусские, стали объектами агрессии:

важная для конструирования инога в Российской империи проблема религиозной идентификации в постсоветской России уже или еще не играет определяющей роли <...> сегодня славянский российский обыватель-ксенофоб склонен рассматривать всех, условно говоря, «смуглых брюнетов» в независимости от их языковой, религиозной или культурной принадлежности почти так же, как его предшественник в XVI веке, только вместо «поганого» и «бусурманина» он становится «черным» и «чуркой». Мусульманско-христианское различие здесь продолжает играть важную, но не основную роль, ведь не работает, к примеру, православная идентификация с христианской частью того же Кавказа и Закавказья, а в силу вступают

³¹ «В наследство от СССР государства, возникшие на его территории, получили границы, которые не соответствуют распределению основных национальностей, а этнические реальности в большинстве случаев не соответствуют национальным территориям бывших советских республик. Более того, границы были намеренно проведены так, чтобы разделить крупные этнические группы между двумя или большим количеством республик» (см.: Жирохов М. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб., 2012. С. 33). Об истории вопроса истоков появления границ, спорах Ленина и Сталина о них см.: Механик А. Плавиный котел государственности // Эксперт. 2011. № 1 (784). <http://expert.ru/expert/2012/01/plavilnyj-kotel-gosudarstvennosti>.

самые примитивные расово-френологические принципы разделения на своих и чужих, когда важен именно цвет кожи, а не религиозная принадлежность как таковая (Глостанова, 2004. С. 60).

«Избавление» от *своего иного* отразилось на нерусских в России и на русских/русскоязычных в бывших советских республиках. Агрессия национализма вылилась и на особую группу – плод «дружбы народов», рожденных в смешанных межнациональных браках:

После краха СССР за границами России осталось более 20 млн русских. Элиты большинства стран, жителями которых они оказались, не были достаточно деликатными и разумными, чтобы адекватно решать проблемы людей, оказавшихся национальным меньшинством в стране, которую раньше считали своей. Это усиливает постимперский синдром в метрополии, ставший одной из тяжелых проблем современной России (Гайдар, 2006. С. 8).

Тематический комплекс социально-политических и экономических проблем постсоветского периода, проявления национализма и постсоветских войн, а также проблемы «гибридов» (Бхабха) составил основу корпуса произведений современных писателей, в центре интересов которых стояли отношения, в нашем случае, между Россией и Грузией. Зачастую, прибегая к приемам деконструкции и демифологизации, современные авторы меняли устоявшиеся подходы к традиционным темам и образам³².

³² Например, смешение старого и нового взглядов на вроде бы уже утвердившиеся за долгие годы культурно-исторические связи отразилось в ряде произведений: «Империя в четырех измерениях» Андрея Битова, роман Наталии Соколовской «Литературная рабыня: будни и праздники», роман «Тбилиссимо» и сборники притч Василия Димова.

2.2. Постсоветское в позднесоветском

*Езжайте в Грузию, прочистите мозги,
На холмах Грузии, где не видать не зги...*

*Александр Еременко*³³

Рамки определения «постсоветского» в отношении политического и литературного периодов не совпадают. Началом постсоветского политического периода принято считать 26 декабря 1991 года – дату распада СССР, а дата окончания до сих пор не определена. Она обсуждается политологами, культурологами, социологами. Впервые об окончании постсоветского периода заговорили примерно в 2009 году, и главным образом это было связано с внешней политикой Кремля. Называли 2012 год: в это время возникла идея создания евразийского союза, предусматривающего объединение в экономической сфере некоторых бывших республик СССР³⁴. Позже назывался 2009 год; российский политолог, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов в статье «The End of the Post-Soviet Period in Russian Foreign Policy: What is Next?» (Lukyanov, 29.02.2012; 19.01.2012) подчеркнул, что тогда произошло изменение роли России в мировом контексте как страны, к политическому голосу которой стали прислушиваться, чего не было после краха СССР. Еще одной датой стал 2014 год, и связывалось это с заявлением 1 марта 2014 года о решении ввести российские войска на Украину. Датой окончания постсоветского периода называли и 2015 год – он связывался с убийством известного российского политика Бориса Немцова (Венкина, 27.02.2016). Другое мнение высказал историк и журналист Кирилл Кобрин, назвав дату окончания постсоветскости – 2014 год (Кобрин, 25.08.2016).

Что касается грузинского ракурса в определении рамок окончания постсоветского периода, то справедливым было бы назвать 08.08.2008 – начало русско-грузинской Пятидневной войны, потому что такого прецедента – войны между русскими и грузинами – не было. В 2008 году закончился период острого противостояния, начавшегося в 1989-м. Но дата не прозвучала – может быть, из-за официальной формулировки: «Россия просто защищала союзное государство (пускай и не признанное) от агрессии» (Акопов, 02.03.2014). Хотя сложно припомнить: когда и кого ранее на постсоветском пространстве Россия защищала от агрессии? И чьей? Война основательно повлияла на связи, которые существовали между Грузией и Россией, несмотря на новый постсоветский формат отношений. Эмоциональная привязанность, основанная на культурной памяти, была подорвана. Травма пережитого объединила против России все многонациональное население Грузии, независимо от этнической принадлежности. Социальный поворот продемонстрировал новый этап в отношениях двух стран. В южной республике не осталось тех, кто поддерживал политику России по грузинским вопросам.

Период разрыва длился недолго. В 2012 году с приходом к власти партии «Грузинская мечта», которую периодически критикуют за пророссийский подход, вновь образовался раскол в политических пристрастиях постсоветского времени (проевропейский или пророссий-

³³ Отрывок из стихотворения российского поэта и переводчика Александра Еременко (1950 г. р.) «О чем базарите, квасные патриоты?» (см.: *Еременко А.* Горизонтальная страна. СПб., 1999. С. 107).

³⁴ «Однако эти стремления всегда вызывали беспокойство. Пытается ли Путин, который описал крах Советского Союза как геополитическую катастрофу, вернуть назад СССР? Сам Путин объявил в своем выступлении в Думе, что „постсоветский период“ закончен» (*Гвоздев Н.* Новая Российская империя // Кавказ online. 21.04.2012; <http://kavkasia.net/Russia/article/1335068247.php>). Или: «Пожалуй, наиболее интересный момент программной статьи – признание того, что постсоветский период развития закончен, пора переходить к чему-то другому» (Предвыборный манифест Путина // Голос Америки. 05.10.2012; <http://www.golos-ameriki.ru/a/putin-elections-manifest/566074.html>).

ский путь развития). Например, в статье «РОССИЯ + ГРУЗИЯ = ОТТЕПЕЛЬ» (2013) Ларисы Малюковой, посвященной выходу в свет фильма о русско-грузинской дружбе «Икона», звучит предположение о потеплении отношений между двумя странами.

В литературе начало постсоветского периода целесообразно было бы связать с 1985 годом. Именно тогда стали появляться художественные тексты, в которых встречались националистические высказывания или целенаправленное проявление негативного отношения и якобы недопонимания эмоционально-поведенческих моделей других этнических сообществ, ставящее своей целью оттолкнуть эти сообщества от представителя того народа, чьему перу принадлежали критические замечания. Впервые эти новые тенденции проявились в произведениях, которые были опубликованы практически одновременно: «Выбор природы. Грузинский альбом» (1985) Андрея Битова и «Ловля пескарей в Грузии» (повесть датирована 1984 годом, вышла в свет в 1986 году) Виктора Астафьева. Произведения кардинально отличных друг от друга авторов с разной читательской аудиторией. События, описанные в текстах, происходили почти одновременно: поездка в Грузию Битова, отраженная в «Грузинском альбоме», приходится на 1967 год³⁵, и поездка Астафьева (в Гагры, абхазскую автономию Грузии), как стало известно со слов писателя и переводчика Александра Эбаноидзе (Эбаноидзе, 2018), также состоялась во второй половине 1960-х годов. Оба текста касаются грузинской тематики, которая была традиционной для русской литературы на протяжении последних двух веков и явилась полем моделирования нового подхода к традиционному (например, к мифу «Грузия-рай»).

«Выбор природы. Грузинский альбом» (1985) Андрея Битова вошел в третью часть книги-жизни писателя – «Империя в четырех измерениях»³⁶, которая называется «Путешествие из России»³⁷. Вслед за русскими классиками (Пушкин, Лермонтов, Толстой и др.) Битов прибегает к традиционному для кавказской тематики жанру – к жанру путешествий³⁸. «Грузинский альбом» выстроен по принципу зеркала: главы о Грузии-рае чередуются с главами о сером «мертвом» Ленинграде, грузинские живые образы и лица – с ушедшими в прошлое живыми образами, связанными с Россией, живая культура – с разрушенным храмом культуры (Битов, 2009. Т. III. С. 479–492). Грузия для автора ассоциируется с первозданным миром: спокойствие, пир на природе, мужская идиллия. Она идеализирована: там нет зла, болезней, бедности, недостатка времени, отягощенности городом, древность и современность существуют параллельно, а главное – сохранилось человеческое достоинство. «Живой» мир Грузии противопоставлен «мертвому» миру России (Чхаидзе, 2014). Рассказчик путешествует не только в пространстве, но и во времени. Это передается видениями, воспоминаниями и рассуждениями о судьбе России и ее отношениях с Грузией. Писатель обращается к традиционной дихотомии Россия – Грузия и традиционной теме Грузия – страна спасения; правда, в отличие от других писателей, у Битова причиной поездки стали не политические неурядицы и войны, а писательский кризис – страх замолчать. Грузия в «Грузинском альбоме» – страна-спасение, страна русской литературы и почти дом: «...в Грузию я вернулся. Как домой. <...> Будто Грузия была даже больше Россией, чем сама Россия, во всяком случае, больше, чем Советский Союз» (Битов, 2009. Т. III. С. 536–537). В южной стране есть то, что исчезло в России. Битов обыгрывает понятие «захватчик». В отличие от «поэтов в форме» XIX века, советский интеллигент-«захватчик» присваивает с помощью влюбленности впечатления и человеческие качества: принадлежность себе, чувство родины: «Как странно понимать, что это чье-то, не

³⁵ Информация взята из статьи: *Накамура Т.* Литература и границы: Кавказ в русской литературе. Осип Манделштам и Андрей Битов // Tetsuo M. (ed.). *Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context.* № 17. S. 255–277.

³⁶ Одно из первых изданий: «Империя в четырех измерениях». Т. 1–4. М.; Харьков, 1996.

³⁷ Текст цитируется по изданию: *Битов А.* Путешествие из России. Измерение III. СПб., 2009.

³⁸ Chances, 1993; Чансес, 2006; Layton, 1994; Hokanson, 1994; Великанов, 1995; Роднянская, 1998; Скоропанова, 2001; Хирш, 2007; Накамура, 2008; Норимацу, 2008; Баринава, 2009; Бондаренко, 2012; Чердниченко, 2012; Чхаидзе, 2014.

ваше дело... А вы-то так почувствовали, так полюбили, так поняли!» и «вы так сумеете восхититься и полюбить все чужое, что не покажетесь себе захватчиком» (Там же. С. 361). Грузия – это пространство срединности (inbetweenness, Bhabha, 1994). «Шестидесятник» Битов акцентирует взгляд русского интеллигента, сформированного русской классической литературой, ставя себя в ряд с классиками («Пушкин, Лермонтов, Толстой...» – Там же. С. 333). С одной стороны, Грузия – *своя* страна, а с другой – иная «планета», благодаря перекрестку времен и культур.

Прогуливаясь по Тбилиси, он видит табличку и понимает, что «буквы были хотя и грузинские, но даты – мои» (Там же. С. 356)³⁹. Битов осмысляет и воспринимает себя как наследника традиции русской классической литературы, что играет и положительную роль (возможность прикоснуться к золотому веку литературы), и отрицательную (писатель становится заложником или колонизованным нормой изображения Кавказа, «установленной» классиками). Но в «Грузинском альбоме» (1985), ранее запрещенном и выходявшем лишь отдельными главами, впервые за советское время встретилось словосочетание «имперский человек», что было неприемлемо в связи с политическим строем, и Битов зачастую ощущал себя не совсем уютно в компании даже самых близких друзей. Осознание своей чуждости проявлялось не раз, особенно когда друзья начинали говорить по-грузински.

Кардинально отличается подход к теме Грузии у Виктора Астафьева в рассказе «Ловля пескарей в Грузии»⁴⁰. Романтически-дружеское отношение к *другому* народу сменяется отталкиванием. В последние годы существования СССР первыми попали под удар русско-грузинские отношения. Иное изображение Грузии стало провокацией⁴¹ и обидой⁴², которая годами не утихала и обсуждалась не только в нашумевшей переписке Виктора Астафьева с известным историком литературы Натаном Эйдельманом⁴³, но и в статьях Константина Азадовского (2003), Дмитрия Быкова (2009), Мариэтты Чудаковой (2010) и многих других. Астафьев полностью освобождается от традиционной «нормы» в описании Грузии. Она для рассказчика – полудикая восточная страна, в которой он не вспоминает о русской культуре или литературе и их связях с югом. Здесь нет умиления природой Грузии, ее древней культурой и архитектурой,

³⁹ В свое время Хоми Бхабха, вслед за Ж. Лаканом, критикуя понятие «временного плюрализма», в котором различные культурные локации рассматриваются в одном условно универсальном времени, выделяет понятие «временного зазора» или «запаздывания» – неустойчивого состояния «темпорального разрыва в процессе репрезентации», во время которого ранее разлученный со значением знак наделяется новым смыслом, уже обогащенным успешным выработаться гибридным или пограничным дискурсом (см.: Bhabha H. The Location of Culture, 1994. P. 191–192).

⁴⁰ Об истории появления повести можно прочесть в интервью с Александром Эбаноидзе в сборнике «Россия – Грузия после империи» (2018).

⁴¹ Здесь следует вспомнить известную переписку Натана Эйдельмана и Виктора Астафьева в журнале «Даугава», в которой Эйдельман резко критикует Астафьева за ложный подход к грузинской теме: «„Но ведь тут много правды, – воскликнет иной простак, – есть на свете такие Гоги, и Астафьев не против грузинского народа, что хорошо видно из всего рассказа о пескрях в Грузии“. Разумеется, не против: но вдруг забыл (такому мастеру непростительно), что крупца правды, использованная для ложной цели, в ложном контексте, – это уже неправда и, может быть, худшая. В наш век, при наших обстоятельствах только сами грузины и могут так о себе писать или еще жестче (да, кстати, и пишут – их литература, театр, искусство давно уже не хуже российского); подобное же лирическое отступление, написанное русским пером, – та самая ложка дегтя, которую не уравновесят целые бочки русско-грузинского меда» (1990. № 6. С. 62–67).

⁴² «...А вся заваруха с грузинами началась в 1986 году на восьмом Всесоюзном (последнем!) писательском съезде. Наши грузины, уже подогретые известной им перепиской, обидевшись на Виктора Петровича за его саркастический рассказ о грузинских нравах, всей делегацией покинули зал и с каменными лицами уселись в фойе. Мой друг Шота Нишнианидзе, не читавший рассказа, но из солидарности тоже хлопнувший дверью, подошел ко мне:– Стасик! У тебя есть журнал этот? Дай почитать! Мы подошли к братьям Чиладзе, и я попробовал пошутить:– Вы что, как грузинские меньшевики партийный съезд покидаете? Но никто, кроме ироничного Отара, на шутку не отозвался.– Стасик! – сказал мне Отар, – не надо русским в наши грузинские дела лезть, разбирайтесь в своих. А в это время с трибуны Дворца съездов слышался голос Валентина Распутина, который говорил, что мы живем хотя и в отдельных квартирах, но в одном доме, и каждый из нас может говорить о неблагополучии на любом этаже, ибо дом-то один на всех...» (Куляев С. Ю. Поэзия. Судьба. Россия: Кн. 2. «...Есть еще океан». М.: Наш современник, 2001. С. 24–25).

⁴³ В круг его литературоведческих интересов вошла и тема Кавказа и Грузии, оформившаяся в книгу «„Быть может, за хребтом Кавказа...“ (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст)». М., 1990.

нет упоминаний известных миру имен грузинских писателей или режиссеров, как у Битова. В тексте писателя-«деревенщика» культурный пласт, связывающий две страны, полностью отсутствует. Астафьев в своем рассказе

удивительным образом собрал все сложившиеся в истории и в массовом историческом сознании антикавказские предубеждения и негативные стереотипы. Образ Грузии-рая и грузина как благородного, щедрого, иногда недалекого, весельчака, распространенный в советских анекдотах, сменяется характеристиками весьма не симпатичными. Грузины были показаны как тупые, жадные, невежественные торговцы и жулики, думающие только о деньгах и обманывающие простодушных славян на просторах страны (Мамедов, 2003. С. 107).

Типичный грузин, воплощенный в главном герое Отаре, – это распоясавшийся, неухоженный, деспотичный ханжа и невежда. В этом рассказе впервые русский писатель, обратился к приему передачи специфического грузинского акцента не для отражения комических ситуаций, как это было распространено в советских анекдотах о грузинах, а с целью подчеркнуть невежество, тупость, дикость и нецивилизованность⁴⁴. Другое новшество связано с традиционным гостеприимством и щедростью: здесь они стали недостатками и ушли на задний план, оказавшись наравне со вспыльчивостью и барственностью. Кроме того, автор говорит, что поведение грузин на родине отличается от поведения вне ее – появляются пренебрежение окружающими и неуважительное отношение к другим:

Было что-то неприятное в облике и поведении Отара. Когда, где он научился барственности? Или на курсах он был один, а в Грузии другой, похожий на того всем надоевшего типа, которого и грузином-то не поворачивается язык назвать. Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит он по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска, с пренебрежением обдирая доверчивый северный народ подгнившим фруктом или мятыми, полумертвыми цветами. Жадный, безграмотный, из тех, кого в России уничижительно зовут «копеечная душа», везде он распоясан, везде с растопыренными карманами, от немых рук залоснившимися, везде он швыряет деньги, но дома учитывает жену, детей, родителей в медяках, развел он автомобилеманию, пресмыкание перед импортом, зачем-то, видать, для соблюдения моды, возит за собой жирных детей, и в гостиницах можно увидеть четырехпудового одышливого Гогию, восьми лет от роду, всунутого в джинсы, с сонными глазами, утонувшими среди лоснящихся щек (Астафьев, 1986. С. 125).

Единственное положительное впечатление на него произвели грузинские сельчане, которых он наблюдал издалека:

по всем дорогам, приплясывая, шли, пели, веселились грузины, совсем не такие, каких я привык видеть на базарах, в домах творчества или в дорогих пивнушках и столичных гостиницах (Там же. С. 127–128).

Не обошлось и без женских образов. В отличие от Битова, который видел в грузинках лишь благородство и образованность, рассказчик Астафьева назвал их «безмолвной расой», угодливо-улыбчивой и пугливой, напуганной харизмой мужчин и прислуживающей им. К такому выводу он приходит, наблюдая за поведением матери, жены и девочки Мананы в доме

⁴⁴ «– Ты зачэм здэс живешь?! Зачэм? Ты зачэм не убьешь этого дурака? Зачэм? Тебе мало моего дома? Мало тэсят комнат! Я построю тэбе одиннадцат. Я помешшу тебя лучший санаторий Цхалтубо! Тебе не надо Цхалтубо? Надо этот поганый бардак?..» (Астафьев, 1986. С. 125).

Отара, куда рассказчика пригласили в гости. И до этого визита, в самом начале рассказа, путешественник передает свое недовольство всем, с чем сталкивается в Грузии. Например, в Доме творчества, скорее всего гагринском (город не указан в тексте), его раздражает и номер, и обслуживание, и еда (Там же. С. 123). Природу Грузии он видит скудной, дороги – пыльными, огородики в домах неухоженными:

По обе стороны дороги трепались оснастые лохмотья кукурузы, табака и ошипанных роз, кое-где поля реденько загораживало деревцами, мохнатыми от пыли и инвалидно-сниклыми. <...> Тихая, хорошо потрудившаяся, усталая от зноя и безводья пустынная земля, еще не вспаханная плугом, не исцарапанная бороной и не избитая мотыгой, миротворно отдыхала от людей и машин (Там же. С. 126–127).

Для астафьевского рассказчика Грузия – это чужая, восточная страна с неприемлемой для «цивилизованного» человека моделью поведения и отношений в социуме. В повести все мотивы, ранее принятые для изображения Кавказа и Грузии, оказываются перевертышами. Астафьев деконструирует традиционный подход к описанию Грузии.

Страсти по рассказу не утихали несколько лет. «Ловля пескарей в Грузии» стала причиной обвинений писателя в национализме (Азадовский, 2003. С. 5–7).

Причина эмоционального изменения сюжета и описания образов кроется в снятии табу с национального вопроса, наложенного в советское время. Оно было мотивировано возможностью высказываться бесцензурно в период перестройки и гласности. Как только такая возможность появилась, на поверхность всплыли неприемлемые ранее и неожиданные мотивы. Деконструкцию и демифологизацию темы Грузии в позднесоветский период можно объяснить процессом «деколониализации», в том числе и самого русского народа. Он высвобождался от *дружбы*, навязанной политической системой, то есть к независимости друг от друга стремилась не только «периферия», но и «центр».

Рассказ внес раскол в писательский мир. Одни следовали традиции, другие подхватили обличительный тон. Текст Астафьева стал точкой начала демифологизации и деконструкции мифа о Грузии-рае и развенчания стереотипов о самих грузинах. Он был не первым в передаче иного подхода к нерусским, но имя известного писателя послужило пристальному вниманию и выбросило текст в поле зрения широкого читателя.

Отвлекаясь, хочу напомнить об одном малоизвестном произведении. Некий В. Д. Иванов в 1954 году пишет роман «Желтый металл»⁴⁵. В тексте встречаются пассажи, которые можно охарактеризовать как этнонационалистические. В статье «Евреи, грузины, кулаки и золото Страны Советов: книга В. Д. Иванова „Желтый металл“ – неизвестный источник информации о позднесталинском обществе» Николай Митрохин пишет, что книга неизвестного автора через четыре месяца была изъята по распоряжению Главлита – за «хулиганские выпады в адрес грузин и других советских народов» – и до 2003 года не числилась практически нигде, как и ее автор (Митрохин, 2006. С. 195–220). Митрохин пишет:

В. Иванов издал первое в СССР за несколько десятилетий литературное произведение на русском языке, проникнутое ксенофобией в отношении целого ряда этнических групп и еще три десятка лет не имевшее в этом деле публично заявлявших о себе последователей.

Вслед за традицией русских националистов критиковать русских за пьянство и лень, рассказа о евреях-спекулянтах, писатель обращается к грузинам как к нации, в которой было больше всех негодяев, потому что они якобы захватили власть в стране и сделали несчастной жизнь русских. Такое отношение к грузинам, а затем и кавказцам в целом, было вызвано

⁴⁵ Иванов В. Д. Желтый металл. М., 1956.

нахождением у власти представителей южных народов – Сталин, Берия, Микоян. Исследователь приводит строки из воспоминаний К. Симонова о том, что распространялись листовки с таким содержанием: «союз палачей Кавказа и жидов стал поработителем русских» (Там же).

Поскольку текст датирован первым годом после смерти Сталина, то появляется мысль о реакции на политический курс страны, который определялся главным образом и в том числе и грузинами. Астафьевское произведение не связано напрямую с отражением реакции на политику, но его появление мотивировано изменениями в ней.

Итак, русско-грузинский «литературный» постсоветский период начинается в 1985 году и продолжается, скорее всего, до 2014 года⁴⁶. Поводом к первой дате (1985) послужил изменившийся принцип отражения *друг друга* в литературе, а ко второй (2014) – спад политической конфронтации между Грузией и Россией, ее переход в застывшую стадию, что понизило градус антироссийских настроений в грузинской литературе и возобновило изображение Грузии в традиционном ракурсе в русской литературе. Кроме того (об этом я буду писать ниже), активировалась переводческая и культурно-литературная деятельность. В указанный период *имперская литературная традиция* начинает развиваться в привычном русле *имперских* литературных периодов: в литературе на русском языке увеличивается количество произведений, содержание которых сводится к романтизации Грузии, а ведущим жанром становятся путевые записки. Тема вооруженных столкновений и поствоенной травмы, ставшая популярной для литературы 1990–2000-х годов, уходит на задний план (подробнее см. далее).

⁴⁶ Конечно, в литературном процессе на данном этапе временные рамки условны, потому что нет возможности отталкиваться от каких-либо государственных постановлений и документов. Я основываюсь на общей тенденции развития и эмоциональной окраски литературной тематики.

2.3. Ревизия пространства

*Я вспоминаю карту, сверху вниз:
Эстония, Литва,
здесь город Минск,
Молдавия сиреневым пятном,
и Латвию я не забыл,
потом —
Казбек, Эльбрус,
хребтов последних цепь,
с которых мне видны леса,
и степь
на севере развернута, как сцена.
А там – Арагви...*

*Арагви, листопад...
И не могу представить карту Грузии:
мгновенно
я забываю карту,
и в мозгу
пульсирует Арагви и поет
Кавкасион голубая вена.*

Гиви Алхазивили⁴⁷

Перемоделирование бывшего советского пространства не осталось без внимания не только историков, политологов, культурологов, но и писателей. Часть ученых обратилась к ставшим модными постколониальным исследованиям. Многие пытались ответить на вопрос: можно ли применить постколониальные/постимперские штудии к постсоветскому пространству?

Изначально причиной обращения к постколониальным исследованиям стала книга Эдварда Саида «Ориентализм» (1978), в которой автор проанализировал отношения западно-европейских стран с их ближневосточными, мусульманскими колониями и ввел понятие Ориента – не географического, а особенного культурно-политического пространства. Благодаря Ориенту Запад конструировал свой образ и пытался разобраться в себе. В этом есть сходство с ролью Грузии и Кавказа XIX века для Российской империи, но применять конструкцию Запад – Ориент к странам нашего исследования без многочисленных оговорок является нецелесообразным. Во-первых, Грузия занимала особое место на Востоке, так как являлась единственной его православной христианской страной, а в Средневековье – самой мощной державой Востока; затем она потеряла большую часть своей территории и населения из-за персидско-османских набегов. Во-вторых, Грузия – страна более древней культуры и истории, чем Россия, также страна раннего христианства и обладает собственной оригинальной письменностью и языком. В-третьих, роль самой России как «белого» цивилизатора из-за проблем самоидентификации и «вторичности» спорна. Российская империя XIX века пыталась копировать своих западных соперников, в том числе покоряя Кавказ и Среднюю Азию:

⁴⁷ Я вспоминаю карту, сверху вниз... / Пер. с груз. А. Еременко // Алхазивили Г. Всевидящее небо. М., 1991; <http://modernpoetry.ru/story/givi-alhazishvili-derevya-dekabrya>.

Копируя полуосознанные и часто недопонятые ими западноевропейские дискурсы, российские офицеры, покорявшие Кавказ или Среднюю Азию, вне всякого сомнения, имели свое искаженное представление о бремени белого человека, в какой-то мере можно сказать, что они играли в спектакле, притворяясь британскими офицерами в Индии и Африке, но, вместе с тем, сожалели о том, что им выпало воевать в диких местах (Тлостанова, 2004. С. 57).

На сложность определить роль России как Запада обратила внимание индийский русист Кальпана Сахни (Kalpana Sahni) в книге «Crucifying the Orient. Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia» («Распиная Восток. Российский ориентализм и колонизация Кавказа и Средней Азии», 1997). Она пришла к выводу, что Россия, заимствовав ориентализм у Запада в процессе петровских реформ, была гораздо более радикальной, чем, скажем, Великобритания в Индии, поскольку «стремилась не только и не столько к экономической власти, сколько к полной ассимиляции покоренных ею народов, что привело к тяжелейшим последствиям для их существования» (см.: Лысенко, 2009. С. 76). Другой проблемой было то, что покоряемые народы даже на этих «азиатских» территориях были трудно определимы в расовом, этническом и религиозном смысле, в то время как сами офицеры часто обладали нерусскими фамилиями и потому вряд ли могли в полной мере проходить по ведомству абсолютных носителей славянской и православной культуры. Как известно, говорить по-русски у знати в том же XIX веке считалось дурным тоном, поскольку это был язык простонародья (Тлостанова, 2004. С. 57).

Альтернативой спорному и не подходящему противопоставлению Восток (Ориент) – Запад служит модель Север – Юг. В свое время Макс Вебер, разрабатывая дихотомию Север – Юг, обращался к протестантскому Северу (Европы) и к Югу, под которым подразумевался католический, мусульманский и прочий Юг. Он писал, что Юг включил в себя некоторое культурологическое и геополитическое сходство с понятием «Восток» (см. в: Burchardt, 2009. С. 105). Но Грузия – не католическая и не мусульманская страна.

И здесь вспоминается исследование антрополога и филолога Роберто Даинотто. В книге «Europe (in Theory)» (2007) и в ряде ранних статей (например, «A South with a View: Europe and Its Other», 2002), описывая особенности структуры и взаимоотношения внутри Европы, он продолжил разработку дихотомии Север – Юг и противопоставил север и юг Европы, исходя из принадлежности к глобальному Северу и глобальному Югу. Основываясь на постколониальных исследованиях, Даинотто обращается к Европе XVIII–XIX веков, изучая ее «других» не со стороны, а изнутри. Согласно исследователю, южным европейским странам свойственны иррациональность и коррумпированность, основанные на клановости, а северным странам Европы – рациональность и развитое чувство долга. Анализируя несколько эпох, Даинотто замечает, что существует определенная связь, подталкивающая к постоянному обращению Севера к Югу; причиной этому оказалась травма, спровоцированная разрывом между Севером и Югом, и тогда же Юг превратился в европейского Иного (Dainotto, 2002. P. 383).

Даиноттовская модель «Север – Юг», на мой взгляд, наиболее близка к отношениям «Россия – Грузия». В ее пользу говорит и то, что если у саидовского Ориента не выделялось ни религиозного, ни исторического сходства (имею в виду – до процесса самой колонизации), то у России и Грузии до политических отношений уже существовали церковные/духовные и культурно-литературные связи, которые укрепились в советский период, создав к тому же не только релевантные власти дискурсы, но и «рассадники» критических взглядов на главенствующий политический строй.

К такой картине «вторичного ориентализма» (Тлостанова) применим термин «южизм», а не «ориентализм», где Россия выступает как вторичный бедный Север. Определение «бед-

ный Север» выросло из современных теорий о богатом Севере и бедном Юге. Под Севером подразумеваются богатство, «белая кость», власть, а под Югом – экономическая, социальная, гендерная, экзистенциальная несвобода и зависимость (Тлостанова, 2012. С. 98).

Тему России как бедного Севера развил философ и политолог Дугин. Причины бедности он видит в верности традициям, духовности и высшим трансцендентным ценностям, о которых позабыли на Западе: «Бедный Север должен быть духовен, интеллектуален, активен и агрессивен» (Дугин, 1996. С. 135). Если говорить об агрессивности, то известно, что после распада СССР Россия (бедный Север) продолжила агрессивную имперскую политику. Объяснения агрессии давались разные: стремление к реализации социально-культурного проекта «русского европеизма» как единственной альтернативы российскому, а значит, мировому катаклизму (Кантор, 2008. С. 493); «фантомные боли» империи, подобные болям после ампутации ноги у человека (Гайдар, 2006. С. 8). Понятие «бедный Север» близко в определении России.

Назвать Грузию бедным Югом, исходя из первоначальных смыслов, тоже не получается. «Ось сместилась», и Грузия, несмотря на свое географическое положение южной страны, стала вести себя так же агрессивно, как бедный Север. Подтверждением тому служат военные действия Грузии, направленные на удержание Абхазии и Южной Осетии в поле своего влияния. В некоторых современных исследованиях стали даже говорить о постимперском синдроме и синдроме «малой империи» (А. Сахаров)⁴⁸.

Отношения Грузии и России не следует буквально рассматривать в рамках постколониализма. Модель связей более сложна, и если роль России определяется как роль бедного Севера, то роль Грузии двойка: бедный Юг – по отношению к России, а бедный Север – по отношению к бывшим советским автономиям. Во всем контексте прослеживается имперская парадигма: Российская империя переродилась в СССР, ставший особым типом империи, о чем писали Терри Мартина (Martin, 2001), Дэвид Ч. Мур (Moore, 2001), Мадина Тлостанова (2004), Францине Хирш (Hirsch, 2000, 2002), а после распада СССР имперские настроения проявлялись и у его осколков – бывших советских республик.

⁴⁸ Как замечает Владимир Малахов в своей книге «Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций»: «... взгляд на Грузию как на мини-империю в 1992–2008 годах был широко распространен в Сухуми и в Цхинвали, но его категорически не принимали в Париже и Лондоне (не говоря уже о Тбилиси) – в том числе те, кто считал „мини-империю“ современной Российской Федерации» (Малахов, 2014. С. 11). Автор ссылается на «полемику с западными коллегами, рассматривающими современную Россию как последнюю „мини-империю“», в статье: *Тишков В. А. Забыть о нации // Вопросы философии. 1998. № 9.*

2.4. Постимперские карты «на практике»

*Где Тбилиси, Киев, Ереван?
Как прижаться вновь к их деревьям?
Я хочу друзей моих обнять —
Не хочу в империю опять.*

Евгений Евтушенко⁴⁹

В постсоветские десятилетия знакомство с «новыми» постсоветскими территориями остается приоритетной причиной путешествий, и жанр путешествия в Грузию занимает первенство по привлекательности для писателей, оставаясь чуть ли не основным в произведениях, написанных на русском языке. В текстах на грузинском тема путешествия никогда не была ведущей, и в современной литературе я не встретила «путевых заметок» грузин из поездок по России, поэтому речь пойдет в первую очередь о произведениях, написанных на русском. В культурной памяти советской интеллигенции сложился образ Грузии как части единой советской геокультурной модели: своя дружелюбная, гостеприимная, благополучная, солнечная страна с красивым ландшафтом, мягким климатом, с древней историей, культурой, архитектурой. Такой ракурс уходит в имперские времена, в произведения Пушкина и Лермонтова, благодаря которым наиболее ярко проявлялась дихотомия восток – запад (Ram, 2003. P. 23). Политические изменения последних лет перевернули отношение к понятию «своя Грузия». Перед читателем предстала и иная страна.

В постсоветский период приезд русских писателей стал носить отчасти иной характер: причиной приезда были не бегство, ссылка или служебные задания, а только социальные и дружеские контакты. В первые десятилетия (1990–2000-е) из России в Грузию приезжали очень редко, а из Грузии в Россию практически не ездили. С одной стороны, из-за социально-экономического кризиса, с другой – из-за политических преград. Это повлияло и на литературно-культурные связи. «Паломничество» имперского и советского периодов переродилось в редкие посещения. Писатели не были чиновниками, как когда-то в XIX веке, а являлись представителями мира литературы.

Особенностью авторов, обратившихся к теме Грузии, является возраст. Они – так называемое советское поколение, то есть получили образование в советской школе, в которой акцентировалось особое место Грузии в контексте русской культуры. Цели приезда писателей и представителей мира культуры в Грузию были разными, но впечатления от увиденного – зачастую схожими. Это отпечаталось на сюжетных линиях произведений. Основным нарративом становится противопоставление «до» (советский период) и «после» (постсоветский). Иллюстрацией к перелому впечатлений могут быть практически все произведения постсоветского периода. В большинстве случаев основу сюжетов составили личные воспоминания, включившие размышления авторов-рассказчиков и даже документальные факты. В части постсоветской литературы о Грузии продолжилась имперская литературная традиция обращения к ней как к романтизированному Югу, то есть акцентировалось внимание к природе и располагающей атмосфере. Например, рассказы Владимира Лаврова «Путь в Грузию» (1986)⁵⁰ или Евгения Гришковца

⁴⁹ Комсомольская правда. 20.12.1995. № 233.

⁵⁰ В тексте приводятся воспоминания автора-рассказчика о советском периоде, когда он – ленинградец – постепенно открывал для себя Грузию. Первое знакомство произошло через песню «Сулико», часто звучавшую по радио в послевоенные годы. Затем он вспоминает университетские лекции П. Н. Беркова о грузинской литературе, а затем уже состоялось личное знакомство с южной республикой. Писатель приводит знакомый ряд, который помог сформировать для него образ Грузии в сознании советского интеллигента, и связан этот ряд с культурой: песня «Сулико», поэма Лермонтова «Мцыри», символи-

«Три текста о Грузии»⁵¹. «Карта» приоритетов в отражении постсоветской Грузии выглядит по-разному: в одном произведении она воспринимается как южная культурная столица Российской империи XIX века, неожиданно ушедшая на задний план из-за постсоветских войн, в другом она стала одной из горячих точек вспыхнувшей «карты» Кавказа, а в третьем – автор старается, насколько возможно, отстраниться от постсоветских перипетий и останавливается на Грузии как на обособленном и независимом мире⁵².

2.4.1. Концлагерь – конечный пункт путешествия у Александра Вяльцева

Деконструкция образа Грузии наглядна в произведениях Александра Вяльцева (1962 г. р.) – художника, поэта, издателя, который был активно вовлечен в жизнь советских хиппи и часто путешествовал по СССР. С Грузией связаны «Люди из ущелий: Записки бродячего человека» (1998) и роман «BLUE VALENTINE: История одной любви» (2000). Произведения отличает непривычность/нетрадиционность зафиксированного автором-рассказчиком. «Записки...» были написаны в 1986–1998 годах. Маршрут Вяльцева и его друзей-хиппи (Багиры и Шурупа) пролегал из Москвы на юг: Сочи, Краснодар, Пицунда, Тбилиси, Ереван, Баку, Нахичевань, Севан, Махачкала, Ингушетия, Дагестан. Интересующие меня картины Грузии приходятся на мирное время⁵³. Жанр путешествия-приключения служит для рассказчика инструментом передачи впечатлений от увиденного. Придерживаясь *имперской литературной традиции* романтизации Грузии, он концентрирует внимание на архитектуре и особенностях Тбилиси, его магазинчиках, аптеках, древних христианских храмах и крепостях (Сиони, Метехи и др.):

Это удивительный по архитектуре город, где вкус виден даже в самых ординарных постройках. Плюс специфический стиль. Плюс специфический климат. История и природа создали этот южный город, до сих пор пощаженный в своей уникальной средневековой хаотичности, со скрытыми от глаз внутренними дорогами-лестницами, лоджиями, галереями, балконами, на

ческое для русско-грузинских отношений слияние Арагвы и Куры, село Цицамури, около которого убили Илью Чавчавадзе, Важа Пшавела, фильмы Тенгиза Абуладзе, упоминаются художник Ладо Гудиашвили, писатели Борис Пастернак, Галактион Табидзе, Отар Чиладзе, Чабуа Амирэджиби, не обходится без традиционного описания дружеских посиделок в Грузии и рассказов-воспоминаний о людях, значимых для русско-грузинских отношений (см.: *Лавров В.* Путь в Грузию // Нева. 1986. № 11. С. 71–81).

⁵¹ Российский драматург, актер, режиссер и писатель Евгений Гришковец (1967 г. р.) обращается к рассказу о путешествии со своим другом в Грузию 11–13 февраля 2011 года. Как и для многих русских писателей, Грузия воспринималась им в традиционно-романтическом ключе: особый дух и архитектура города, неповторимые грузинские застолья, кухня, многоголосье и культура. Это особое культурное советское наследие, часть его родины – СССР: «Грузия входит в чувственное понятие Родины. Грузия даже до того, как я в ней побывал, уже входила в территорию любви. Пушкин, Лермонтов, Грибоедов очень помогли. Отец солдата, певчий дрозд, пастораль, три смешных грузина, которые рисовали разметку на дороге, Мимино, мадемуазель Пастик в исполнении Софико Чиаурели, красавец пастух в исполнении совсем не грузина Зельдина, влюбленный в свинарку, на чьем месте наверняка хотели быть наши бабушки, Бенджамен Глonti из Не горюй, юная красавица из Небесных ласточек, Абдулла из Белого солнца пустыни, сержант Кантария, Багратион, Дато Туташиа (помню, с каким трудом я старался запомнить фамилию замечательного грузинского актера Отара Мигвинитухуцеси), граф Калиостро с огромными грузинскими глазами (дублированный армянином Джигарханяном), и еще целая вереница знакомых с самого детства лиц и имен, вплетенная в нашу жизнь, с самого детства, где бы мы ни жили – на Камчатке, в Крыму, Мурманске или Караганде. Никакому итальянцу, американцу или японцу все мною перечисленное не скажет ничего. Это наше. Не грузинское, не российское, не советское, а наше» (<http://odnovremennno.com/archives/51>).

⁵² Я уже обращалась к образу нитки и иголки (факт путешествия как иголка и миф о Грузии-рае как нитка), ментально и эмоционально укреплявшим культурно-литературную связь между русскими и грузинами, затем осевшую в культурной памяти. Сейчас я буду говорить об иголке-путешествии как об инструменте и о писателях, открывающих читателям постсоветские изменения, происшедшие на бывших территориях СССР, а также моделирующих свою территорию увиденного.

⁵³ Лишь в конце текста упоминается военная Абхазия, но об этом позже.

мостовые под которыми «никогда не падает дождь» (Вяльцев А. Люди из ущелий. 1998. С. 86).

Сами грузины представляются автору «культурными и добросердечными». Привычные для любителя русской литературы романтические описания заканчиваются не просто грустными личными параллелями рассказчика, связанными с веселым прошлым, друзьями и путешествиями, а грустным настоящим: трагическими судьбами друзей-хиппи и упоминанием об исчезнувшем старом мире. Автор вводит несколько слов, которые эмоционально выбивают читателя из романтического контекста. Это страшное упоминание о том, что «...в годы грузино-абхазской войны в „третьем“ ущелье был абхазский концлагерь. Говорят, что с пленными обращались крайне жестоко. А теперь кто-то уже вновь рвется туда загорать. Не могу представить, как это кайфовать в бывшем Освенциме?» (Там же. С. 95). Картины веселой молодости сменяются изображением постсоветской реальности, старый уклад остался в прошлом.

Нарратив «иная Грузия» явен в следующем произведении, в романе «BLUE VALENTINE. История одной любви» (2000), где постсоветская страна предстает новым неизвестным и шокирующим миром. Главный герой романа – писатель и журналист Захар, приехав в Тбилиси и Батуми, где бывал в советские времена, тридцать лет назад, сталкивается с иным миром, который он не знал. Социально-бытовые проблемы 1990-х годов превратили ее в нищую страну:

Ободранный серый город. Мало людей. Отсутствие уличной жизни. Нищета и неблагополучие, бросающиеся в глаза, действовали, как холодильник. При плюсовой температуре Захару стало холодно (Вяльцев А. BLUE VALENTINE. 2000. С. 74–75).

В основу описаний лег личный опыт пребывания в стране. Автор старается передать информацию о неожиданных для него социальных проблемах, бросившихся в глаза: почтовая связь почти не работает, нет тепла и электроэнергии, чай пьют из термоса, еду подогревают на спиртовке, общественный транспорт почти не работает. Друзья описывают Захару современные Батуми и Тбилиси:

Стали рассказывать про свой город. Он считался спокойным: аджарский властелин Абашидзе охранял границы российскими пограничниками. Снаружи же – грабили, останавливали поезда. Поэтому жили изолированно. В Тбилиси было еще хуже и страшнее. <...> Два года уже они худели и «здоровели». Продавали вещи. В квартире изо рта шел пар. Вечером с проживающей у них веселой 72-летней «тетенькой», спасенной из Тбилиси, Захар раскладывал пасьянс и спорил о религии (она неверующая, но чтитла экстрасенсов и летающие тарелки). Сидели за пустым столом – одетые, завязанные в платки, словно эскимосы в чуме. Ночью он спал во всей одежде (Там же. С. 75–76).

В 1990-е годы в Грузии путешественник не увидел ни вина, ни былых грузинских застолий⁵⁴. В произведениях Вяльцева происходит изменение традиционного нарратива: Грузия процветающая превращается в обнищавшую. С «карты путешественника» 1990-х годов Грузия как курорт или как место отдыха исчезла.

⁵⁴ Подобные описания быта современный читатель встретит и у Василия Голованова (1960 г. р.) в сборнике рассказов «Лето бабочек»: «В Тбилиси не было ни света, ни отопления, ни горячей воды, младенца купали в холодной и сразу заворачивали в горячие пеленки» (см.: Голованов В. Лето бабочек // Новый мир. 2009. № 4. С. 10–44, рассказ «Волшебный рог Вахушти»).

2.4.2. Юг как травма: карта Эльвиры Горюхиной

Чьи это были бомбы? Разобрать было невозможно. Ощущение ирреальности происходящего, ощущение, что это не должно было случиться, оказалось самым сильным. Но это случилось. Империя распадалась.

Горюхина, 2000. С. 10

Грузия и другие республики Кавказа и Закавказья становятся жертвой российских имперских амбиций постсоветского периода, пунктами горя и травмы в очерках «Путешествие учительницы на Кавказ» (2000) и книге «Не разделяй нас, господи! Не разделяй...» (2004) Эльвиры Горюхиной (1932 г. р.), в прошлом учительницы русского языка и литературы, журналистки, а ныне профессора Новосибирского государственного университета, награжденной премией им. А. Сахарова «За журналистику как поступок» (2002). В отличие от Вяльцева, она не просто турист-наблюдатель, знавший Грузию периода расцвета, а потом увидевший последствия независимого существования, она – представительница советской интеллигенции, ставшая участницей постсоветских событий, связанных с горячими точками: «Для Горюхиной Кавказ – это судьбы его матерей и сыновей, это всеобщая трагедия» (Журавлева, 2008. С. 7). Художественные произведения Горюхиной о Кавказе критики ставят в один ряд с «Севастопольскими рассказами» Толстого (Шейхова, 2010; Руденко, 2004). Автор-рассказчица ломает традиционный образ имперского путешественника, восторгающегося экзотикой юга. Она оказалась единственной из российских писателей, внедренной в ход войн и взявшей на себя задачу фиксировать по горячим следам происходящее, а также записывать размышления местных жителей Кавказа и Закавказья о своей участи, об отношении к своему историческому прошлому и будущему, к проблемам, последовавшим за обретением независимости. «Путешествие...» – это художественный текст, основанный на документальном материале. Смелость писательницы заключалась в протестном противостоянии информационному потоку официальных российских СМИ, обрушившемуся на неосведомленного обывателя (Рева, 2015. С. 210) за пределами горячих точек. Путешествие включило в себя посещение Грузии (Тбилиси, Зугдиди, Сенаки и др.), Нагорного Карабаха, Чечни и Дагестана. Книга состоит из следующих глав: «Чем спасемся?» (о войнах и поствоенном синдроме в Грузии), «Нагорный Карабах» (о конфликте между армянами и азербайджанцами), «Место жительства – война» (о войне в Чечне), «Накануне» (о напряжении в Дагестане). Повествование о Грузии, начиная с января 1992 года, пропитано тревогой и болью. Горюхина сосредотачивается на городских картинах и на биографических случаях очевидцев войны. Типичными для Тбилиси тех лет были не картины благополучия, а люди с автоматами, множество беженцев, сгоревшие дома, взорванные мосты.

В середине января 1992 года Тбилиси был не похож на себя. «Что сегодня случилось в Тбилиси?» – эта строчка из стихов Заболоцкого не давала покоя. И хотя было ясно, что идет война, глаз не мог смириться с тьмой, в которую был погружен один из прекраснейших городов мира (Горюхина, 2000. С. 14).

Отталкиваясь от культурной памяти советской интеллигенции, писательница сосредотачивается на воспоминаниях о традиционных достопримечательностях, которые связывали русских и грузин (проспект Руставели, дом Сергея Параджанова, Мтацминда), а затем выстраивает мост между прошлым и настоящим, а настоящим является аэропорт, из которого летели в горячую точку. В сознании автора-рассказчицы, близко дружившей с самыми яркими деятелями грузинской культуры (Резо Чхеидзе, Тенгиз Абуладзе, Отар Иоселиани, Эльдар Шенгелая, Нодар Думбадзе, Отар Чиладзе), не укладывался факт появления *иных* грузин:

...еще в мае 1991 года, когда Грузия выбирала своего первого президента, я увидела грузин какими-то другими. Увидела их не в тот час, когда они творят миф о самих себе в грузинском застолье. Это были как будто те же самые люди, но что-то другое проступало в чертах знакомых лиц (Там же. С. 9).

Впечатления от увиденного и роль автора приводят к мысли об изменении традиционной ориенталистской концепции, восходящей к XIX веку, в которой «колонизатор», приехав в «провинцию», восторгался ее красотами. Военно-политические столкновения продемонстрировали одну из граней метаморфозы, случившейся с бывшим «колонизатором»: раздвоение образа на разрушителя (официальные власти) и сочувствующего помощника слабым (русская интеллигенция). Сочувствующий сосредоточился на главной гуманитарной катастрофе Кавказа: детях и беженцах, потерявших дом. Главным мотивом всех поездок Горюхиной было стремление помочь детям, оказавшимся в зоне боевых действий, друзьям («там моим друзьям плохо»), а также письменная фиксация увиденного. Публикация отрывков из детских сочинений и воспоминаний детей должна была стать главным упреком политикам. Одним из горьких подтверждений травмированности детских душ стал сюжет о посещении цирка. Здесь рассказчица столкнулась с особыми характеристиками переживших войну и живущих во время обстрелов:

Переполненный детьми цирк явил странное и жуткое зрелище. Я впервые в жизни столкнулась с молчащими детьми.

<...> По фойе, освещенному единственной свечой, водили на поводке тигра. Дети подходили к тигру, как к кошке, – никакой боязни. <...> Детское молчание вынести невозможно. <...> Так я впервые столкнулась с молчащими детьми. Это лишило меня покоя. Что же стоит за этим недетским молчанием? Что? <...> И я видела собственными глазами, как сгибаются и стареют дети под тяжестью горя (Там же. С. 15–16).

После войны в Абхазии возникло общество мечущихся и молчащих людей, пораженных культурной травмой (Alexander, 2004. P. 1; Штомпка, 2001. P. 8). Молчащие дети, молчащие мужчины, картины с гробами детей, автоматические и повторяющиеся действия, связанные с реальностью, которой уже нет, то есть проекция действий прошлого в настоящем:

Человек существует без желаний, надежд, без адекватной реакции на происходящее. Не все беженцы таковы. Далеко не все. Некоторые, наоборот, развивают гиперактивность, чтобы создать для себя и окружающих ощущение новой жизни. Хатуна упорно ищет постельное белье, которого нет. Судорожно достает кружку для чая, которого тоже нет. Наконец оставляет поиски и, словно окаменев, садится на постель. Все! Больше ничего нет! Ничего! Есть только горе (Горюхина, 2000. С. 47).

Не только тема травмы, но и тема потери становится лейтмотивом «Путешествия...». Дети-беженцы из Абхазии говорили о потере родителей и дома. Например, в главе «Дети Кодорского ущелья»:

В этой страшной войне я потеряла самое для меня дорогое – маму. Я ее потеряла, когда был самый сильный момент, и она была мне нужна. Кроме мамы потерялся старший брат. Он воевал и погиб. <...> Наши души растоптаны. *Майя Гуджеджиджани. 13 лет* (Там же. С. 39).

Или:

Я тогда училась во втором классе, когда началась братоубийственная война между абхазами и грузинами. Это была болезненно придуманная война. До сегодняшнего дня мы не видим конец мучениям людей. Голодные и босые люди разбросаны за пределами своей родины. Мне, беженке, желаемым остаются мой дом и моя школа. Я не воспринимаю своей школу, в которой учусь. *Софико Чаплиани. 11 лет* (Там же. С. 40).

Писательница также приводит историю грузинки Медико, которую после войны одолевали странные наваждения и она, находясь уже в Москве, постоянно стремилась вернуться в свой дом, не веря, что его нет. Автор как свидетельница войны пишет о том, что горе конфликта ощущалось с первой секунды: «Оно – в глазах женщин, детей и стариков» (Там же. С. 14).

Содержание «Путешествия...» описывает не только метаморфозу роли «колонизатора», но и изменение самой «периферии». Стремление к независимости и переформатирование модели «центр – периферия» в модель «центр – центр» не обходились без войн, которые стали идентификаторами Кавказа и Закавказья, в том числе и Грузии, первого постсоветского десятилетия. Нарратив путешествия на войну стал неотъемлемой частью темы путешествия в Грузию.

2.4.3. Империя Андрея Битова

Самым масштабным по времени и по географии охвата отражением и осмыслением перемен, запечатленным на бумаге, стало творчество Андрея Георгиевича Битова (1937 г. р.) – книга жизни «Империя в четырех измерениях» (1996). Битов искусно, прибегая к постмодернистским приемам (шизофрении и раздвоенности), а также к метафорам и аллегориям, перенесению из одного времени в другое, предлагает читателю свое видение образа России и ее отношений с советскими, а затем бывшими советскими республиками, а также видение роли и образа «русского имперского человека» (Битов) во времена смены эпох. Для русско-грузинского контекста интересны III и IV части – «Кавказский пленник» (с вошедшими в нее «Уроками Армении», 1967–1969, и «Грузинским альбомом», 1985) и «Оглашенные» (1995), а также отдельно вышедшая часть – «Последний из оглашенных» (2012).

Книга Битова – это постмодернистский метатекст, в котором повествование ведется от лица автора-рассказчика. Он путешествует по «империи» – по пространству СССР, а затем и по постсоветским территориям. Автор-рассказчик первым в русской литературе советского периода на листе фиксирует особое чувство – ощущение русского человека в «братских» республиках, то есть впервые «он» противопоставляется «им», *другим*, как *русский*. Это чувство колеблется от принадлежности на основании культурно-исторических связей до впечатления неловкости и абсолютной чуждости. Раздвоенность ощущений вызвана знанием российской истории и роли русских колонизаторов в ней и знанием русской литературы, которые, наоборот, сближали с *ними*. В русской литературе советского периода А. Г. Битов по праву становится родоначальником темы «путешествия колонизатора или захватчика по провинциям империи СССР». Каков же сам наследник «поэтов в форме» как «колонизатор» второй половины XX и начала XXI века? Какова его карта «захвата»? И остается ли миф о Грузии-рае ведущим в его произведениях?

Автор-рассказчик предстал как новый тип «захватчика», некий битовский *homo imperii*. В нем есть черты сходства и отличия от «поэтов в форме». С одной стороны, он не причастен к государственной службе, с другой, как и его предшественники, он является невыездным (из-за проживавшего за границей брата). С Грузией автора-рассказчика связывали несколько поездок, цели и содержания которых отличались. В «Грузинский альбом» (1985) вошли главы, связанные с советским периодом, которые печатались по отдельности, так как к изданию единой книгой были запрещены. Толчком к первому путешествию в Грузию, как и у некоторых писа-

телей-классиков, был писательский кризис 33-летия и страх «замолчать»⁵⁵. Советская Грузия была особой точкой на культурно-литературной карте, и на карте Битова в частности: это особая страна из-за связей с Пушкиным, Маяковским, Пастернаком (Битов, 2009. III. С. 538–539) и другими русскими писателями; это «своя» страна, в которую он вернулся как домой (Там же. С. 536–537).

Для подчеркивания близости Битов использует прием «перекрестка времен»⁵⁶. Один из случаев – это прогулка по городу. Путешественник замечает, что сквозь него проходят три человека, похожие на Лермонтова, Пушкина и, скорее всего, Толстого:

один высокий, с узкой головой, в усах и кепочке; другой – в ватнике, похожий на Пушкина; третий – грач в пиджаке... – нисколько не удивились на то, что я не такой, как они, прошли сквозь меня (Там же. С. 353).

Другой случай связан с ощущением пойманности между двумя культурами (in-betweenness, Bhabha, 1994), двумя периодами времени, двумя территориями – Россией и Грузией и ощущением «клетки» в виде знаний о «норме» изложения о Грузии/Кавказе, сложившейся в «золотом веке» русской литературы: русский «колонизатор» превратился в «колонизованного» прошлым (Битов, 2009. III. С. 333, 538–539; более подробно см. в: Чхаидзе, 2014). Рассказчик иронизирует по поводу подмеченной им в реакциях грузин параллели с «тиражированным агентом империи»/«лазутчиком и захватчиком», потому что «русский имперский человек» Битова (битовский *homo imperii*) – это ностальгирующий интеллигент, пропитанный социофобиями (Эпштейн, 2005), подавленный советской реальностью и ностальгирующий по былому величию русской культуры, литературы и высоконравственности общества; ощущающий вину и стремящийся избавиться от «имперского» бремени XIX века, а также обеспокоенный исчезающими оплотами жизни, надеющийся на возрождение культуры, институтов семьи и крестьянства:

Тиражированный агент Империи выступает как мироносец, совершенно не чувствуя себя хозяином <...>. Про него знают, что он собирает подать, – он один в скромном неведении на этот счет (Там же. С. 362).

Кроме представлений автора о «русском имперском человеке», читатель знакомится с его представлениями о структуре СССР и постсоветских метаморфоз, связанных с отношениями России с Грузией. Еще в «Грузинском альбоме» Грузия представлена в имперско-советской схеме полной противоположностью серой, подавленной России, схожей с медведем в клетке.

В следующих текстах «Империи...», вошедших в IV часть, тема имперского захвата как культурно-эмоционального сменяется «территориальным». Здесь стоит вспомнить интересную схему зависимости советских республик от «русского», приведенную в аллегории микроавтобуса-«рафика» с русскими водителем, писателем и пассажирами разных национальностей:

Подавался «рафик» (вот восхитительное слово! намек на империю, произведенный в Риге...), в него набивалось шесть, включая шофера и автора, от силы восемь человек, предоставив пространство лишь для одного армянина, возможно, тоже Рафика, одного абхаза, одного грузина, одного еврея <...> драматургическое единство было обеспечено: вел «рафик» русский водитель, с ним рядом восседал тоже русский (автор) (Битов, 2009. IV. С. 329–330).

⁵⁵ Текст цитируется по изданию: Битов А. Путешествие из России. Измерение III. СПб., 2009.

⁵⁶ Хоми Бхабха, вслед за Жаком Лаканом, критикуя понятие «временного плюрализма», в котором различные культурные места рассматриваются в одном условно универсальном времени, выделяет понятие «временного зазора» или «запаздывания» – неустойчивого состояния «темпорального разрыва в процессе репрезентации», во время которого ранее разлученный со значением знак наделяется новым смыслом, уже обогащенным успешным выработаться гибридным или пограничным дискурсом (Bhabha H. The Location of Culture. 1994. S. 191–192).

Образ-схема передает «превосходство» «русского» над «добровольно вошедшими» народами в «рафик»-СССР. Но позже появляется другой сюжет, уже намекающий на иной захват:

...пусть они будут такие любители-историки, как все они тут, в провинции... пусть они мне ненароком расскажут историю края и ненароком же заспорят, кто из них коренной житель, кто кореннее... пусть из спора вырастет ссора между грузином и абхазом, между грузином и армянином, между <...> ...русский же и на пейзажи любуется, отвоевывая их пядь за пядью у бусурман для своей книжечки... (Там же. С. 200–201).

Социально-политическую обстановку и начавшиеся волнения позднесоветского периода Битов передал в образах «дружной семьи» и «семейных» споров: о древности языков, принадлежности территорий, особенностях национального юмора, отличиях народов друг от друга. Но во главе семьи оставался «русский имперский» человек, позволявший народам спорить и державший под своим контролем разговор.

Перипетии военных конфликтов 1990-х годов остались за текстом Битова, но он тонко и отстраненно передал основные спорные вопросы, возникшие между народами из-за снятых табу на национальный вопрос:

...о чем они ссорятся?.. ну, это понятное дело, надо только уточнить в деталях... абхаз, естественно, о грузинизации, о ликвидации абхазских школ, о записании абхазов в грузины... грузин, естественно, не выдерживает такой исторической несправедливости и говорит: что, мы вам в 1978-м телевидение не дали, университет не дали?.. вот сам говоришь: «дали». Дали, потому что взяли, отняли, сначала отняли, а потом дали... что у вас отнимать? у вас и письменности не было... <...> вы же всегда под нами были, вы всегда были Грузией, да вы и есть грузины... тут они вступают в рукопашную (Там же. С. 200).

Если Битов описывал отношения между народами СССР с помощью аллегории микроавтобус-«рафик», то в «Ожидании обезьян», написанном после распада СССР, он лишает «республики-пассажиров» человеческого образа и вводит образы животных – обезьян⁵⁷, которые разбежались из обезьяньего питомника/СССР. На такую параллель автора-рассказчика навела история, случившаяся во всесоюзно известном Сухумском обезьяньем питомнике, в котором проводились опыты над животными. Когда в начале войны в Абхазии обезьян нечем было кормить, они стали так сильно кричать от голода, что их пришлось выпустить на волю. Битов использует аллегорию «обезьяны» по отношению к советским республикам, которые «вырвались» из питомника – СССР. Писатель считает, что такое могло произойти от потери общей памяти, культурной или исторической, потери естественного объединяющего начала, что стало причиной споров, приведших к крушению «империи»:

Советские обезьяны... Освобождение обезьяны... Русская обезьяна...
Обезьяна, живущая на воле в условиях социалистического общества...
Без клетки... Обезьянья воля... Республика обезьян... Обезьянья АССР...
ОбзАССР... Так нельзя – все обидятся. <...> Дали свободу... разрослись

⁵⁷ Писатель, режиссер и драматург Михаил Угаров (1956 г. р.) в повести «Море. Сосны», как и Битов, обращается к «обезьянкам», но так он называет абхазцев. В произведении идет речь о том, как рассказчик в 1964 году отправился в Абхазию на поезде «Ленинград – Сухуми», о его приключениях, об увиденном в другом крае. Автор обращает внимание читателя на диалог, в котором под сомнение ставится историческая связь абхазцев с территорией Абхазии. Рассказчик беседует с местным фотографом: «У них в словаре нет слова „море“, – тихо сообщил ему Фотограф.– У кого?– У этих. – Фотограф кивнул за спину. <...>– Живут на море, а слова „море“ в своем языке не имеют. Что это значит?– Что?– То, что они здесь никогда не жили. Это не их земля» (Угаров, 2010. С. 94–95).

гривы, зато подмерзли хвосты... нуждаются в подкормке... (Там же. С. 198–199).

«Карта» Битова менялась по отношению к Грузии – России – Абхазии в зависимости от изменений реальности, официальной политики РФ и, наверно, в чем-то с совпадающих с ней взглядов автора.

Абхазия в тексте начинает играть роль, схожую с ролью Грузии – роль патриархального рая. Сначала для «русского имперского человека» Грузия и Абхазия – колонии империи, в которые он устремляется, чтобы не потерять «последние штаны». Битов вводит аллегорию «джинсы имперского человека». Джинсовые штаны как западный символ советского благополучия появляются еще в «Грузинском альбоме» и о них идет речь в «Ожидании обезьян». В «белые штаны» впрыгивает alter ego автора – «он»⁵⁸ и отправляется в Сухуми. Значение американского «продукта», одежды для рабочих, в корне меняется в России. По мнению Битова, джинсы – вещь, с помощью которой Америка «колонизовала» СССР. В советские времена они были показателем высокого социального статуса, а по Битову – штаны к тому же единственный, после культуры, оставшийся вид частной собственности:

Образ последних штанов достаточно неэстетичен, чтобы пытаться их продать (что я, кстати, и пытаюсь сделать...) <...> Так что штаны на мне были – у меня южных штанов не было (Там же. С. 176).

За сюжетом (отправление рассказчика за южными штанами) скрывается иносказание о стремлении России сохранить при себе бывшие советские южные республики в виде Грузии и ее бывшей автономии Абхазии. В «Империи...» описываются абхазские деревни, например деревня Тамыш, которую, следуя содержанию, можно сравнить с русской деревенькой Турлыково (Там же. С. 206–225). Как когда-то Грузия, Абхазия выступает особым миром; например, в советские времена там не было разграничений между населением и властью:

Старшинство у них по возрасту, а не по званию: свекровь, которая никакой не депутат, заметив, на ее взгляд, непорядок, шепчет депутату АССР, та – депутату СССР, и расторопная Софи бежит то с сыром, то с курочкой.

Ну как тут не полюбить Советскую Власть! Когда, дотянувшись своей имперской рукою до самого захолустья, она ласкает своего опального поэта неожиданно материнской лаской, будто это не она же прогнала его сюда с глаз долой. Чем хороша машина – что у нее нет умысла (Там же. С. 214–215).

Топоним «Абхазия» в тексте, пульсируя, передает нарастание тревоги. «Абхазия» упоминается несколько раз: в связи с бывшей грузинской автономной республикой Абхазия и с одноименными названиями гостиниц в Тбилиси (рассказчик жил в комнате № 14 – возможно, это намек на начало грузино-абхазской войны 14 августа 1992 года и косвенное участие в ней «захватчика»)⁵⁹ и в Сухуми⁶⁰. Рассказчик описывает «розовый Сухуми»⁶¹ как райский многонациональный город, в котором люди делились не по национальному признаку, а «по чашкам» (Там же. С. 179), то есть по количеству чашек выпитого кофе. Городской традицией было собираться по утрам в домах или на набережной Черного моря, пить кофе и обсуждать городские новости. Райскую картину нарушают чужаки – киносьемочная группа, появившаяся в городе (Там же. С. 182). Этот сюжет наводит на мысль о проявлении европей-

⁵⁸ Повествование о поездке ведется в постоянном диалоге с собственным «я» автора, которое разделилось на «я» и «он»: «я» – это серьезный и сдержанный автор-рассказчик, а «он» – дебошир, балагур и пьяница, ищущий приключений.

⁵⁹ Хотя А. Г. Битов в беседе рассказал, что имел в виду лишь момент прослушивания и непрослушивания номеров гостиниц в советские номера. № 14 не прослушивался.

⁶⁰ Битов использует возрожденное в 1992 году название города – Сухум, а я – более близкое мне Сухуми.

⁶¹ «Розовый», потому что в Сухуми было очень много магнолий с розовыми цветами.

ско-американского влияния/«чужаков» в начале 1990-х годов. В составе «съёмочной группы» – англичанин, который приехал в Советский Союз, в Сухуми, собирать материал для дипломной работы по разведению обезьян в условиях отдаленной от естественной для них среды обитания. Здесь ассоциация с процессом внедрения демократии среди «обезьян»-республик. Движение киносъёмочной группы описывается как продвижение «захватчиков»: от кафе «Амра»⁶² к гостинице «Абхазия», то есть шли они с севера на юг. Битов постоянно задает читателю загадки в виде говорящих деталей. «Им», «захватчикам», противопоставлена мужская компания «своих», состоявшая из абхазов (писатель Даур Зантария⁶³, «вор в законе», Антиаслан), русского (авторское «я»), армянина (Серож), украинца (доктор Драгамашенка). Писатель выстраивает две модели противопоставления «своего – чужого»: 1) «свой/колонизованный» – русский и все советские народности противопоставлены «чужому/колонизатору» – англичанину; 2) авторское «я», «русский писатель», противопоставлено «колонизованным» народам бывшего СССР как «чужой/колонизатор» (подробнее см.: Чхаидзе, 2014).

«ПостИмперию» сотрясали перемены, бедствия и, как результат, – жертвы. Имперский дискурс в IV части «Империи», связанный с приездом «захватчика» в «колонию империи», на который обратили внимание исследователи (Б. Аверин, 1995. С. 449; Т. Дудек-Листван / T. Dudek-Listwan, 2007; Т. Шеметова, 2000; Э. Чансес / E. Chances, 1993), объяснил Лев Аннинский. Литературовед охарактеризовал роман-странствие «Оглашенные» как «повесть о крушении империи, тайный сдавленный плач о ней» (Аннинский, 27.10.1993). Схожее мнение высказал В. Бондаренко, увидевший в «Оглашенных» признание Битова в «имперскости». В «Последнем из оглашенных» (2012) рассказчик пытается подвести итоги происшедшего:

1985–2008... Советская власть стопталась и сползла с ноги. Надо было идти одной босой ногой вперед, искать новый вид воровства... Горбачев, сухой закон, перестройка, гласность, Чернобыль... Грузия, Литва, Чечня, путч... Ельцин, отделение Украины, распад Союза, штурм Белого дома, опять Чечня... Путин, «Курск», террор олигархии... Пожинаем урожай. И пожираем. Хронический наш август! Не мой Кавказ... Гамсахурдия, Абхазия, Саакашвили... Чечня, Абхазия, Южная Осетия. Империя отражалась в каждом осколке своего великого кривого зеркала: чем меньше осколок, тем кривее отражение (Битов, 2012. С. 4).

По закону деколонизации, Абхазия из одной зависимости попала в другую, впрочем, как и Грузия. Свое отношение к военным событиям в Грузии, связанным с Осетией и Абхазией, «русский имперский человек» Битов передает словом «подставили» (Битов, 2012. С. 3–4). Цепочка вопросов продолжается: «Кто подставил?»: «С Абхазией подставил меня, даже знаю, кто – мой собственный живой ...персонаж... А вот с Осетией ...моя собственная репутация „кавказца“» (Там же. С. 3–4). А на вопрос: «А вы за кого?» «кавказец» Битов отвечает: «С Абхазией я был вынужден занять свою привычную позицию, меж двух стульев, – большой не должен подавлять маленького: Россия – Грузию, Грузия – Абхазию» (Там же).

На руинах старого режима становится ясно, что на смену старым советским «несвободам» пришли новые. Изменилась «экология» в мире. Если в «имперские» советские времена Грузия была местом вдохновения, свободы и новых возможностей, то и этого не стало. Границы «Империи в четырех измерениях» автор обозначил 1960–2011 годами, о чем написал в конце «Последнего из оглашенных»: «...я довел ее до сегодняшнего дня и больше в нее не вернусь... А. Б.» (Там же. С. 24).

⁶² В переводе с абхазского – «солнце».

⁶³ Абхазский писатель и друг Битова с Высших режиссерских курсов.

Для писателя «карта» империи и постсоветского мира, на которой меня привлекало грузино-российское пространство, менялась от ведущего значения Грузии для культурно-литературных связей до разочарования от «разрушенного храма культуры» – и русской, и грузинской, до обращения к Абхазии как к своей. Итог: один «пункт» потерян, другой – так и не обретен.

2.5. Постсоветская деколонизация

Грузины, мама, виноваты сами. Они хотели уйти из русского г... на раньше, чем Россия. А раньше, чем Россия, мама, из русского г...на х... кто, мама, уйдет. Русский детерминизм, мама. Имперский этикет, мама. Грузия, мама, про него забыла. Пришлось ей об этом, мама, напомнить.

Игорь Яркевич. Глаз блюз. Рассказ о Грузии, НАТО и беспилотном самолете (2010)

Орудиями обретения политической независимости были войны, документы, декларации и т. д., а орудиями «деколонизации» в литературе русско-грузинской тематики – деконструкция традиционных образов и стереотипов, введение новых тем и мотивов, демифологизация устоявшихся представлений. В постсоветский период изменения отразились главным образом на тематическом пласте. Подтверждением тому служит целый пласт малоисследованных произведений на русском и грузинском языках. Например, практически все писатели в литературных произведениях обращались к отражению случаев проявления «национализма угнетенной нации». Более того, в некоторых текстах советская риторика «старшего и младшего брата» и миссионерство сменяются темой оккупантов, всплеска ксенофобии и национализма (Чиладзе, Хабибулин, Бойко, Морозов, Димов), а события и явления, которые ранее интерпретировались как вклад в индустриальную/образовательную/медицинскую сферы (например, эмиграция русских специалистов в советские республики), связываются с русификацией. Поднимается вопрос роли и значения языка. Даже не раздражавший ранее никого нерусский акцент становится объектом агрессии и орудием отталкивания. Если обратиться к литературным образам, то на смену веселому грузину в русской литературе или закрытой теме подавления в грузинской литературе приходят *homo soveticus provincialis*, *homo cartvelicus*. Новая группа образов, не имевших места в советской литературе, пополняется персонажами-«гибридами» из промежуточного межкультурного пространства. Деконструируются и обретают иное содержание значимые в советское время исторические события (например, тема покровительства России Грузии или образ Пушкина). Амбивалентность интерпретации советского времени и всего с ним связанного спровоцировала стремительную деконструкцию основных советских дискурсов и установок, иногда может быть, и несправедливых.

2.5.1. Оккупанты – миссионеры – жертвы

Бывшие колонизаторы воспринимали себя одновременно как наследников традиции имперского завоевания и как реформаторов или революционеров, которые хотят порвать с этой традицией и установить равноправные отношения с «туземцами». С другой стороны, многие интеллектуалы из колоний, стремившихся к независимости или получивших ее, стремились утвердить свою культурную уникальность, но свою «особость» они осмыслили с помощью интеллектуальных средств, выработанных в западноевропейских или североамериканских культурах.

Илья Кукулин, 2013. С. 150–151

Одним из самых острых вопросов постсоветской литературы русско-грузинского контекста явился вопрос об исторических ролях России и Грузии по отношению друг к другу: кто мы? кто они? оккупанты? миссионеры? жертвы? Постсоветская литература дала возможность читателю ознакомиться с неожиданными точками зрения, где жертвенность и агрессив-

ность связывались и с той и с другой стороной, а также имели место ксенофобские настроения, локальный, повседневный, этнический национализм. Обе стороны предстали в новом для себя свете. Те, кто видел себя «миссионером», приехавшим в советские времена развивать промышленность, медицину, культуру, сферу образования, или переселенцем, приехавшим во время Великой Отечественной войны в эвакуацию, или защитником, благодаря советской пропаганде, связанной с Георгиевским трактатом, узнали, что, оказывается, являются «оккупантами» (Бойко «Прощай, Сакартвело!», Гуцко «Русскоговорящий», Кулишова «Год пограничья», Хабибулин «Фуршет на летном поле», Азольский «Диверсант», Венедиктова «Маргинал»⁶⁴), а те, которых считали «избалованным народом», стали ассоциировать себя с жертвой (произведения Чхеидзе, Чиладзе, Турашвили).

Одним из самых известных современных романов на грузинском языке, который не раз переведен на иностранные языки, стал «Поколение джинс / ჯობსჯობს თანობა» (его второе название – «Побег из СССР») Давида (Дато) Турашвили (1966 г. р.), вышедший в свет в 2008 году. Сюжет романа основан на громком процессе, связанном с попыткой угона самолета группой молодых людей, представителей «золотой» грузинской молодежи, в 1983 году. Они хотели изменить цель полета и вместо Батуми отправиться Турцию, а оттуда планировали перебраться в США – страну, которая для советского человека ассоциировалась со свободой и благополучием:

Вожделенные, как и свобода, запрещенные джинсы оказались слаще запретного плода, и советские люди стремились обрести их любым, даже не совсем законным путем. Среди джинсов, ввезенных из разных стран, иногда даже можно было найти настоящие! В то время в Грузии многие считали, что настоящие джинсы (да и вообще все настоящее) обязательно должны были быть американскими, ведь советская пропаганда яростнее всего боролась именно с Соединенными Штатами. Идеология Москвы (с особым рвением) противостояла американским ценностям (в том числе и джинсам), и советские люди наивно полагали, что где джинсы, – там и счастье⁶⁵.

Автор, основываясь на документальных сведениях и на неформальной информации, используя художественные средства, попытался восстановить события тех дней, начиная со знакомства студентки Тины и актера Геги, главных героев романа, вокруг истории любви которых завязывается действие, до расстрела угонщиков-«террористов». Главным нарративом произведения является жестокость советской власти вообще и конкретно в Грузии. Описывается захват самолета, во время которого угонщики стремились обойтись без жертв, а советские войска стали обстреливать его, насильственно сделанный Тине аборт, насильно выбивавшиеся лжепоказания, подготовка ложных свидетелей, невинно обвиненный и расстрелянный монах. Молодые люди, чьи действия не были направлены на кровопролитие, оказались не только заложниками своего желания бежать из СССР, но и жертвами лживой власти, которая приписала кровопролитие невинным. Турашвили включил в роман воспоминания бортпроводницы И. Химич:

Ирина Химич, случайно оставшаяся в живых, оказалась настолько порядочным человеком, что ее так и не смогли заставить изменить показания. И она рассказала о том, что видела и в чем убедилась лично: советские солдаты стреляли не только в любого человека – пассажира или члена экипажа, – выпрыгивающего из самолета, но и в тех, кто еще оставался в салоне.

⁶⁴ О прозе этих авторов будет идти речь в разных главах.

⁶⁵ Турашвили Д. Поколение джинс. Побег из СССР. См.: http://loveread.ec/read_book.php?id=56457&p=1#gl_1.

В надежде прервать расстрел угонщики призывали пассажиров класть безоружные руки на иллюминаторы. Но в результате, как выяснилось потом, пассажиры получили пулевые ранения в пальцы рук⁶⁶.

Авторские разоблачения связаны не с жестокостью, идущей из центра, хотя и в этом есть рациональное зерно, а с жестокостью, которая приумножается ради стремления угодить центру:

В Кремле полагали, что грузинские коммунисты могут пожалеть грузинских студентов, и дело будет вестись не объективно. Но в Москве ошибались – они не знали, что грузинские власти вынесут угонщикам самолета даже более суровый приговор, чем этого хотели в Москве. Ведь это лучший способ доказать Кремлю, насколько верноподданной являлась Грузия⁶⁷.

В романе главной жертвой стала молодежь Грузии, а палачом – советская власть республики. В такую жестокость властей жители Грузии не могли поверить и наивно надеялись на то, что приговор будет смягчен, но этого не случилось. Бытует мнение, что именно после этого события, а не с 9-го апреля, возникли разговоры о независимости Грузии. Вопреки мнению об избалованной советской властью республике, события, связанные с попыткой угона самолета, развенчивают миф о рае и об агрессорах извне.

Галерея новых образов для русско-грузинского контекста значительно увеличилась из-за обострившейся в России 1990-х годов (Пчелин «Вечный жид»)⁶⁸ кавказофобии (Шнирельман, 2007), а также из-за социально-политических неурядиц, жертвами которых стали, например, русскоязычные жители, вынужденные покинуть Грузию (Бойко, Хабибулин). Взаимное непонимание основывалось на различных пластах восприятия друг друга: для грузин ведущим был исторический контекст, а для русских – социальный, связанный с ментальными различиями. Грузины смотрели на присутствие русских сквозь призму истории, вспоминая табуированную советскими властями информацию об оккупации Грузии в 1921 году и двойственность статей Георгиевского трактата (1783), якобы «нарушенного» в 1801 году, хотя в документе 1783 года были прописаны положения о фактической потере престола грузинскими царями⁶⁹.

Кроме образов жертв и агрессоров, появляются образы защитников: своих или от своих. Например, русскую имперскость как мощь, охранявшую своих, культивировал Александр Проханов. Его идея «Пятой империи» (Проханов, Кугушев) была поддержана некоторыми представителями российской интеллигенции⁷⁰. Приведу слова российского художника Ильи Глазунова

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Турашвили Д.* Поколение джинс. Побег из СССР.

⁶⁸ Во всех произведениях интересующей нас тематики национальные общности упрощаются до конструкций «русские» и «грузины»; а кроме того, дуальность противопоставления «русские – грузины» автоматически отсылает к более широкой имперской дихотомии «центр – периферия», при этом обращение к имперской конструкции не исключает обращение к теме нациецентрического видения. Первое и второе утверждение смешиваются в другую конструкцию: «центр/русский» – «грузин/периферия». Вспоминается, например, что в исследованиях Хоскинга (Hosking, 1997) и Суни (Suny, 2001) говорится о том, что в России бытует предположение о невозможности отделить национальный дискурс от имперского. Понятия «центр/русский» и «грузин/периферия» неустойчивы и меняются в зависимости от контекста, но при анализе избежать их мне не удалось.

⁶⁹ См.: *Рейфилд Д.* Русофобия, тайная и явная, в грузинском советском романе, 2017 (*Rayfield D.* Time Bombs: the Posthumous and post-Soviet reinterpretation of two Georgian Novels).

⁷⁰ Русский радикал, писатель и общественный деятель Александр Проханов выдвинул и развил идею формирования Пятой империи. Пятая, потому что до этого были: «империя» Киевская Русь, империя Рюриковичей – Московское царство, «белое царство» – империя Романовых и «красная» империя – Советский Союз. Он призывает к возрождению русского имперского духа и возобновлению объединения народов, разобщенных распадом СССР. Эти идеи встречаются в книгах «Пятая империя» (2007), «Технологии „Пятой империи“» (совместно с Сергеем Кугушевым, 2007), «Симфония „Пятой империи“» (2007). Идеологию восторженно поддержали некоторые деятели культуры (Н. Михалков, И. Глазунов, М. Леонтьев) и политические деятели (В. Жириновский, С. Караганов, С. Кургинян). См.: *Бондаренко В.* Кристаллография «Пятой империи» // Завтра. 01.11.2006; <http://old.zavtra.ru/content/view/2006-11-0141/> и <http://old.zavtra.ru/content/view/2006-11-0142/>.

из подборки высказываний из «Имперской симфонии», связанной с выходом книг о Пятой империи:

Империи складываются или через подчинение, или через привлечение. Русская империя – уникальное явление, содружество по большей части добровольно присоединившихся народов. К нам присоединились армяне, которых преследовали турки, к нам присоединились грузины. Новая Империя будет, если снова к нам потянутся (см.: Завтра. 01.11.2006).

Наталья Соколовская избрала другую позицию. В романе «Литературная рабыня: будни и праздники», о котором пойдет речь позже, пред читателем предстал образ девушки – защитницы грузин от советских солдат. Автор сделала акцент на противопоставлении позиции русской интеллигенции, а не официальных властей, к грузинам.

В большинстве произведений прослеживается деконструкция установок о жертвенности/оккупации/миссионерстве и популяризовавшееся в постсоветский период мнения о навязывании и доминировании всего русского, о подавлении национального в бывших советских республиках. Для убедительности приверженцы обеих точек зрения выстраивают свои произведения из условных двух частей – советской (Грузия-рай, страна спасения) и постсоветской (Грузия – разрушенный рай, страна изгнания). Например, столкновение тем оккупации и недооцененности наблюдается в повести Нины Бойко⁷¹ «Прощай, Сакартвело! Записки обывателя» (2005).

Писательница обратилась не просто к теме русских в Грузии, а к теме перекрещивания двух «национализмов угнетенных групп» (Хардт, Негри): самих грузин и русских жителей Грузии. Бойко дает возможность пронаблюдать, как доманифестное межэтническое напряжение, существовавшее на бытовом уровне и связанное с исторической несправедливостью и разницей культур, при первой же возможности огласки в середине 1980-х годов переродилось в манифестное и проявилось на политическом уровне в виде антироссийских лозунгов и акций. Кроме того, и у Бойко, и у нижеприведенных авторов тема Грузии стала ассоциироваться с темой изгнания из рая. Со стороны грузин открыто зазвучали упреки в оккупации и советизации Грузии, а со стороны русских – относительно робкие возражения о недооцененности индустриальных/цивилизаторских мер, предпринятых по отношению к республике. Описывая впечатления переселившейся с Урала русской женщины Нины, прототипом которой явилась сама писательница, Бойко помогает читателю понять изменения в восприятии Грузии. Автор помещает героиню в гуцу событий позднесоветского и постсоветского периодов на периферии. И благодаря Нине, ее беседам с жителями южной страны (русскими и грузинами) читатель знакомится с особенностями отношения к Грузии: сначала как к раю, где нет хамства и торжествует благополучие⁷², затем, при погружении в бытовую среду, как к незнакомому миру, скрывавшемуся за «дружбой народов», в котором сложность отношения грузин к русским и русских к грузинам выльется в националистические лозунги.

Героиня Нины Бойко вспоминает историю своей семьи⁷³, приехавшей в 1968 году с Урала в Грузию по распределению и оказавшейся свидетельницей постсоветских столкновений в республике (грузино-абхазский, грузино-южноосетинский конфликты) и всех перипетий (9 апреля 1989 года, гражданская война в Грузии), предшествовавших обретению независимо-

⁷¹ Нина Бойко (1950 г. р.) – малоизвестная русская писательница из маленького города Губаха Пермской области, на счету которой несколько повестей, романов, исторических исследований: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1805340226>.

⁷² «На взгляд издерганного талонами и очередями человека, здесь есть все, и ни очередей, ни ограничений. <...> Мне приятна неторопливость грузин, готовность объяснить тебе все подробно; нравится, что обращаются ко мне не „гражданочка“ или „жэнищина“, а „калбатано“, то есть уважаемая» (С. 111–113).

⁷³ В основе произведения – автобиографическая история.

сти⁷⁴. Семья была типичной для советской индустриальной миграции, или, как пишет С. Беляков, «нормальной „экономической“ миграции» (см.: Беляков, 2005. С. 241–248), официальным поводом которой являлось стремление помочь в развитии края. Супруг главной героини строил Худоги-ГЭС, а сама Нина работала учительницей русского языка и литературы в школе.

В противовес старому советскому образу Грузии-рая предстало новое государство, в котором русским не находилось места. Для вскрытия причин межнациональной напряженности, переросшей в вооруженный конфликт, писательница выбрала прием диалога, в котором слова учительницы Нины передают распространенное мнение русского населения, а слова грузина-соседа, скрипача Эмзари, – точку зрения грузинского населения времен Гамсахурдии. В восприятии Нины, из дружеского народа русские превратились для грузин в захватчиков, стремящихся их уничтожить. Это слышно и в словах Эмзари: «Мы не хотим, понимаешь, не хотим больше быть русскими!» (Бойко, 2005. С. 123). Культивируемая в советской истории спасительная роль Российской империи в судьбе Грузии для грузин становится объектом забвения. Образ врага стал ассоциироваться с русскими. С ними же население связывало межнациональные конфликты: «Национальная рознь – последняя ставка имперской России!» (Там же. С. 135). Информация, которая выливалась с грузинских телеэкранов, сводилась к оскорблениям и определениям «русские агрессоры и оккупанты», а в быту – «бродяги и маймуни» (с груз. «обезьяна»). Описывая последствия 9 апреля в глубинке, писательница упоминает инцидент, произошедший около Зугдиди в автобусе и рассказанный русской соседкой Любой: грузины – парень и девушка – подняли ее (Любу) почти за шиворот и сказали, что теперь русские будут ездить только стоя. «Люба стояла в автобусе и у нее катились слезы, девушке она годилась в матери. И никто в автобусе не возразил хамству молодых» (Там же. С. 130–131). Особо агрессивную роль в проявлении антирусских настроений, по мнению автора, проявляли женщины:

Женский национализм еще гаже мужского, женская подлость еще ниже! Они сделали большую работу, они сорвали с места сотни русских людей, заставили уехать неведомо куда, они не жалели ни детей, ни стариков, не жалели могил. Они кричали: «Кто останется – будут батраками!» И они молились Богу, жгли свечи на митингах. Они и с Богом играли. И Он не простил (Там же. С. 140).

«Национализм угнетенной нации» в Грузии проявлялся не только по отношению к русским, но и по отношению к самим грузинам. Это отражалось не на официально-политическом уровне, а на бытовом. Грузины в глазах русских жителей выглядели отсталым народом, который был «оцивилизован» после прихода Российской империи на их землю. Русские жены грузин по закоулкам говорили следующее: «Подлецы грузинские! Всю кровь выпили! Жили в дощатых поросятниках и продолжали бы жить, если бы не русские!» (Там же. С. 134).

В финале писательница стремится смягчить острые споры и сводит обвинения своей героини к критике политики (Гамсахурдии, Шеварднадзе, Горбачева⁷⁵), а затем приводит нейтральную точку зрения. На вопрос Нины о том, действительно ли русские сильно ущемляли достоинство грузин, знакомый грузин отвечает:

– Никто нас не ущемлял, – отмахнулся. – Если наш нейрохирург Датиашвили спас литовскую девочку, то о нем весь мир узнал, хоть он не в Тбилиси, а в Москве. А если наши мешочники таскаются по Союзу, то и стоят, чего стоят.

⁷⁴ В основу повести легли воспоминания писательницы о Грузии конца 1980-х – начала 1990-х годов (времена Гамсахурдии и времена Шеварднадзе).

⁷⁵ Для Бойко М. С. Горбачев не меньший преступник, чем Гитлер, потому что он создал в стране «благоприятную почву для нацизма» (Бойко, 2005. С. 158).

Роланд дал мне веру. Что нам делить? Зачем делить? Зачем обязательно, чтобы свои и чтобы не свои? (Там же. С. 140).

Новые лозунги и настроения были для рассказчицы неожиданными: произошла «трансформация» советского в русское, «дружба народов» оказалась маской. Нине непонятно, почему советская армия стала для грузин русской, как будто представители других народов в ней не служили, почему раньше грузины стремились получить образование в России, а сейчас говорят, что это было лишь модой. Советская установка на дружбу народов, в которой сформировалась писательница, сдерживает ее в стремлении изобразить полный разрыв. Антиросийские настроения она смягчает сюжетами о взаимопомощи грузин и русских⁷⁶ и сожалением по поводу проявления национализма. «Как же это произошло?» – сквозной вопрос.

Но все же деколонизация состоялась. В 1990-е годы Грузию покинуло большое число русских и русскоязычных жителей. Заканчивается повесть отъездом семьи Нины. И несмотря на фразу «Не уехать отсюда – приросли» (Там же. С. 155), звучат обида и слова: «Прощай, Сакартвело!» (Там же. С. 165)⁷⁷.

Русские жители, видевшие Грузию лишь как часть России, не могли понять, почему советская армия превратилась в русскую, почему они стали врагами, почему не оценили то, что русские терпели годами, когда о них вытирали ноги (Там же. С. 125–128). С обеих сторон люди стали заложниками политики. Вопрос о том, кто кого ущемлял в правах, остается для автора открытым (Там же. С. 140). Обывательница-рассказчица обвиняет многих политиков в случившихся переменах (Джабу Иоселиани, Михаила Горбачева, Эдуарда Шеварднадзе, Звиада Гамсахурдию). Эмоциональные диалоги Нины и Эмзари, а также других жителей Джвари являются подтверждением того, что общество мечется между сложившимся восприятием друг друга и новым, спровоцированным политическими изменениями. «Рай» стал местом крушений типичного взгляда на себя.

⁷⁶ Например, во время болезни и Эмзари помогал Нине, и Нина помогала Эмзари.

⁷⁷ «Оплевав и обгадив русских, Грузия уже не дожидается специалистов из России: никто не поедет туда, где тебя эксплуатируют и тебя же обзывают оккупантом. А русские специалисты – самые дешевые, немецких не купишь за триста пятьдесят рублей в месяц» (Бойко, 2005. С. 142). В переводе с грузинского «Сакартвело» означает «Грузия». Забегая вперед, скажу, что следующий шаг, связанный с возвращением в Россию, оказался также нелегким, потому что, как и, например, герой Дениса Гуцко в романе «Русскоговорящий», возвращающиеся русские ощущали себя «второсортными» в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.